

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Короли Салического дома: Конрад II, Генрих III, Генрих IV. — Королевская и княжеская власть. Королевская и папская власть. Григорий VII

Столетие, в течение которого *Саксонская династия* правила Германией, было плодотворным во многих отношениях, особенно если вспомнить, в каком разрозненном и расстроеном состоянии находились германские земли до вступления на престол Саксонской династии. Прежде всего важно, что надвигавшиеся на Германию соседние народы: *венгры, норманны, славяне*, — были оттеснены, их набеги прекращены, а сами они были включены в сферу действия христианской культуры. Обеспечение безопасности германской территории было первым условием дальнейшего процветания и развития ее населения. Всюду можно было видеть следы народного труда и благодаря ему — возрастающего народного благосостояния во множестве местечек, деревень, монастырей, городков, как, например, в Саксонии. Не случайностью было и то, что в это время были открыты и уже разрабатывались серебряные руды в Гарце, и что монастыри были центрами, где с относительным спокойствием могла производиться научная и теоретически прогрессивная работа, без которой не может успешно создаваться внешнее и материальное благосостояние. Эта же деятельность, направленная на развитие знания и искусства, которые после смерти Карла Великого все больше хирели, в период властвования Саксонской династии получила импульс к развитию благодаря обновленной связи с *Италией*, где по-прежнему процветали городская жизнь и искусства. Это обновление идеи Римской империи и тесной связи с Италией не было роковым для Германии, правители которой ради этого якобы отвлекались от насущных задач. Напротив, идея не только религиозного, но и политического и общественного единения всех христианских народов для каждого из них уже имела большое цивилизующее значение. Даже путешествия в Италию, совершаемые немцами, клириками или мирянами, были ценным образовательным средством, не считая того, что именно благодаря Италии кругозор германцев мог расширяться и захватывать даже греческий Восток, с которого в Центральную Европу заносились семена образованности. В тесной связи с идеалом государства, носившем громкое название Римской империи (*Imperium Romanum*), в период Саксонской династии особенно развилась *ленная система*, т. е. первая действенная форма общественных отношений. Ленные отношения между владельцем лена — *сеньором* (*senior*, старейший), и вассалом устанавливали связь, основанную на определенных нравственных обязательствах. Как ни были грубы нравы того времени, важно было, что у каждого был свой господин, жизнь каждого была обставлена и упорядочена законными ус-

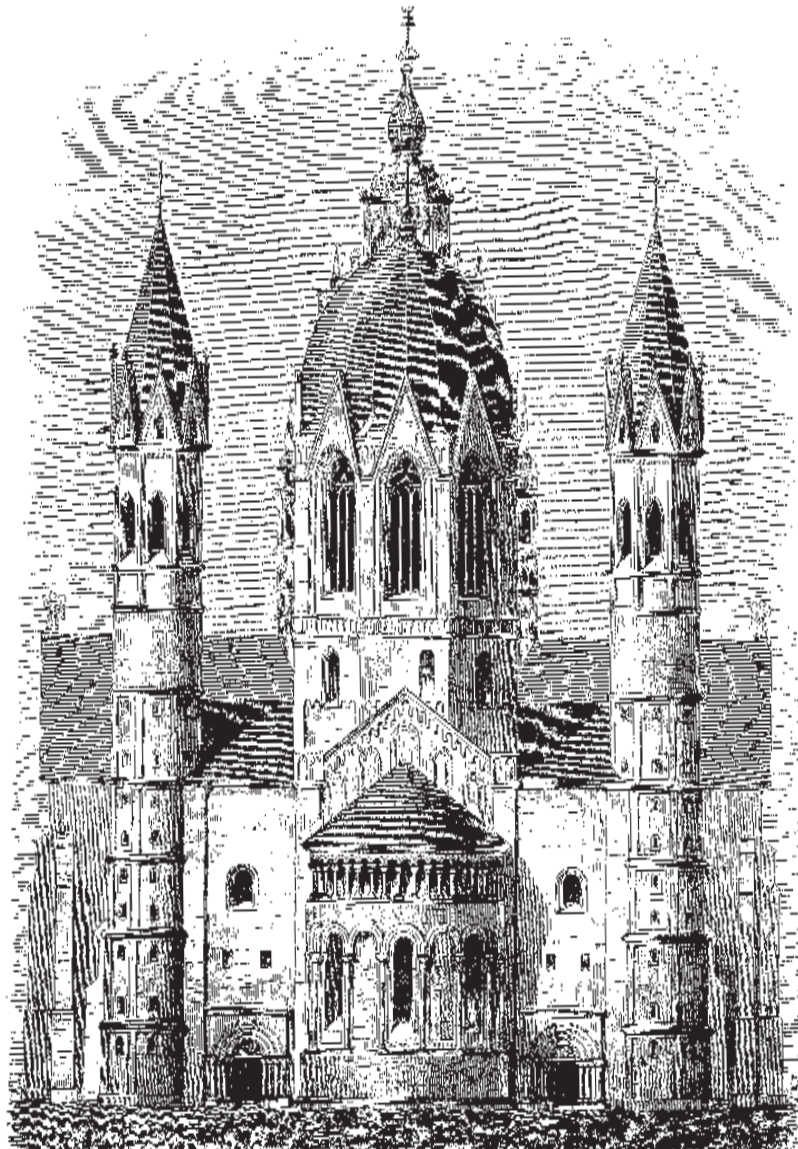
Результаты властвования Саксонской династии.

ловиями. Благодаря этим порядкам образовалось множество маленьких общин, появилась забота о родине. Это особенно ясно видно из хроник монахов, в которых они с чисто местным пристрастием относятся к своему монастырю, к его славе, к блеску чудес покровительствующего ему святого, к обладанию целительными мощами и богатыми имениями, очевидно, считая и честь монастыря, и его владения собственной честью и собственным достоянием. Внешние формы быта — пища, одежда, жилища — были чрезвычайно просты и на германской территории изменялись медленно, поскольку *торговля* в Германии еще не развилась и важнейшие торговые пути не проходили через Германию. Не существовало и отдельного *ремесленного* сословия, каждый поселянин был и ремесленником, а в больших хозяйствах ремесленная работа не отличалась от других поденных занятий. В целом германский народ являлся большим *земледельческим* народом, среди которого было развито чувство любви к родине, вызванное привязанностью к земельным владениям, которое не ослабевало от перехода земель в ленную зависимость. А из любви к родине впервые развилось настоящее понимание государственности или национального единства, и это можно считать важнейшим приобретением периода Саксонской династии. Следует заметить, что церковь в Германии играла важную роль в пробуждении и утверждении чувства национального самосознания.

Изра-
ние Кон-
рада II.
1024 г.

Чувство национального единства впервые с полной силой проявилось при неожиданной кончине Генриха II. Можно предположить, что и Генрих до некоторой степени рассчитывал на эту силу, поскольку он своевременно не позаботился об избрании надежного преемника. Междоусобица, во время которого государством правила вдовствующая императрица Кунигунда и совет, составленный из нескольких сановников, протекало в полном спокойствии. День *выборов* нового короля был назначен на 4 сентября 1024 г. в Майнце. При этом выяснилось, как мало была стеснена личная свобода в государстве и насколько неопределенны и слабы были законные основы выборов. В выборах мог принять участие каждый приехавший в Майнц. В назначенный для выборов день в долине Рейна между Майнцем и Вормсом собралось множество народа: по одну сторону реки — баварцы и швабы, саксы и часть франков; на левом берегу — верхне-лотарингские, рипуарские и нижне-лотарингские франки. Это были первостепенные сановники (примасы) государства, герцоги и князья, архиепископы, епископы и аббаты со своими свитами. Затем влиятельнейшие из этих примасов быстро обсудили вопрос, поскольку, вероятно, он уже предварительно был обсужден и обдуман. Остановились на двух франкских князьях — Конрадах, близких родственниках, потомках Конрада, павшего смертью храбрых при Лехе. В пользу старшего из Конрадов говорили личные преимущества, более зрелые года, отчасти богатство и связи его умной супруги *Гизелы*¹, а возможно, даже и влияние архиепископа Майнцкого Арибо. После небольшой сцены взаимных уступок и апелляций к воле народа был избран и провозглашен королем старший Конрад. Тогда вышла

¹ Вдова герцога Эрнста I Швабского и племянница короля Рудольфа Бургундского.

Вид Майнцкого собора со стороны клироса.

Это старейшая из еще сохранившихся в Германии «сводчатых базилик». Освящен в 1009 г., после этого неоднократно разрушался в результате пожаров. Существующее сейчас здание начато в 1081 г. и после долгих перерывов полностью завершено только в 1239 г.

императрица Кунигунда с царственными клейнодами, и на следующий день новый король был помазан на царство. Разумеется, этот выбор понравился не всем: ниже-лотарингские князья, а с ними и архиепископ Пильгрим Кёльнский уехали еще до окончания выборов. Собранный народ единодушными криками заглушил все попытки выразить недовольствие.

Начало
царство-
вания
Конрада.

Конрад II (1024–1039), достигший 40-летнего возраста, был одарен светлым умом и сильной волей: не обладая научными познаниями, которые в то время начали распространяться среди светской знати, он был достаточно опытен в практической жизни. Его образование носило исключительно юридический характер: он был хорошо знаком с законами, на все смотрел в высшей степени здраво, без идеализма или фантазии. Изумительно быстро он освоился со своей задачей. Он не лез в карман за словом и умел отвечать очень метко. Например, когда к нему в 1025 г. явились послы от граждан Павии с извинениями по поводу разорения королевского дворца после смерти Генриха II, Конрад сказал им: «Вы не поняли, что король умер, да королевская-то власть осталась — как бы там ни было, вы кругом виноваты». Всюду, куда он являлся лично, ему тотчас же приносили присягу в верности: так было в Лотарингии, где архиепископ Кёльнский Пильгрим поспешил примириться с Конрадом и короновал его супругу Гизелу, которую отказался короновать Арибо Майнцский, не одобрявший брака Конрада из-за его близкого родства с Гизелой. Это же было и в Саксонии, где Конрад подтвердил все существовавшие в стране законы и юридические обычаи, и в Баварии, и в Каринтии, и в Швабии, где у Гизелы как вдовы герцога были огромные поместья. Сюда к нему явился влиятельнейший из итальянских сановников архиепископ Миланский *Ариберт* и призвал его в Италию короноваться. На съезде князей в Трибуре был решен поход в Италию. Однако его пришлось отложить, поскольку общее положение в государстве вызывало опасения. С одной стороны, польский князь *Болеслав I Храбрый* после смерти Генриха отпал от империи и объявил себя независимым, приняв титул короля. Вскоре он умер, но его сын *Мечислав II* удержал титул отца и отказался от уплаты дани. В это время на западной окраине *граф Шампанский Эд*, вассал французского короля, заявил свои притязания на обладание *Бургундией* и вступил в союз не только со своим королем, но и с недовольными лотарингскими князьями. В Германии не избранный в короли младший Конрад не скрывал недовольства, ему сочувствовал герцог *Эрнст II Швабский*, пасынок короля. Мечислав также вступил в союз с молодым датским королем *Кнудом*. Но Конрад все уладил: союз Кнута с Мечиславом он расстроил, уступив Кнуту Шлезвигскую марку и таким образом войдя с ним в ближайшие отношения. Остальные грозившие Конраду опасности рассеялись благодаря отсутствию единства между его врагами. В феврале 1026 г. королевское войско собралось в Аугсбурге. Здесь на съезде князей 8-летний сын Генрих был утвержден в правах престолонаследия — и Конрад двинулся в поход через Альпы.

Поход в
Италию.

Поход совершился быстро и удачно. В конце марта 1026 г. Конрад был коронован архиепископом Арибертом в Милане как *король Италии*. Равенна и Павия попытались оказать ему сопротивление, но были сломлены. В

марте 1027 г. он уже стоял под стенами Рима, куда его призывал папа *Иоанн XIX*, недостойный преемник своего брата *Бенедикта VIII*. Здесь он встретил короля *Рудольфа Бургундского* и датского короля *Кнута*, находившихся на пути в Рим по обету как странники. В присутствии блестящего собрания светских и духовных вельмож, среди которых особенно выдавался могущественный аббат *Клюнийской обители Одилон*, *Конрад* вместе со своей супругой был коронован папой. Тут ему пришлось пережить тревожные дни: не обошлось без восстания римской черни вследствие какой-то ссоры римлян с немцами. Но все же в эти дни были решены многие важные споры и вопросы. Сохранилось письмо короля *Кнута* к английским епископам, в котором он передает впечатления, вынесенные из пребывания в Риме в эти знаменательные дни. Из Рима *Конрад* двинулся на юг, где грозила высадка греческого войска, во главе которого задумал явиться в Италию сам старый император *Василий II*, брат покойной императрицы *Феофано*. Опасность миновала, поскольку *Конрад* удовольствовался только закреплением за собой трех княжеств: *Беневентского*, *Капуанского* и *Салернского*.

В конце мая 1027 г. *Конрад* снова был в Германии. Здесь опять взялся за оружие и нашел себе союзников в мятеже герцог *Эрнст Швабский*, вероломно изменивший своим обещаниям, данным на *аугсбургском съезде*, где он получил от *Конрада* прощение. *Конрад* назначил ему в *Ульме* день суда для разбора распри с ним на новом княжеском съезде. *Эрнст* самоуверенно явился туда в сопровождении многочисленной свиты, однако он не знал настроения, преобладавшего в этой свите. Участвовавшие в ней лица заявили, что ленные обязательства к герцогу не обязывают их идти против короля, который защищает их свободу действий. При этом почти сразу выяснилась успешность политики *Конрада*, без особых усилий давшей ему в руки большую власть. Он поднял вопрос о наследственности ленного владения и пытался эту основу видоизменить выгодно для короля. Разумеется, вассал должен был чувствовать себя гораздо более свободным,

Мечислав II, король Польши (1025–1037), сын Болеслава I Великого, принимающий рукопись из рук Матильды, дочери герцога Германа Швабского. Миниатюра из рукописи XI в.

Герцог Эрнст Швабский.

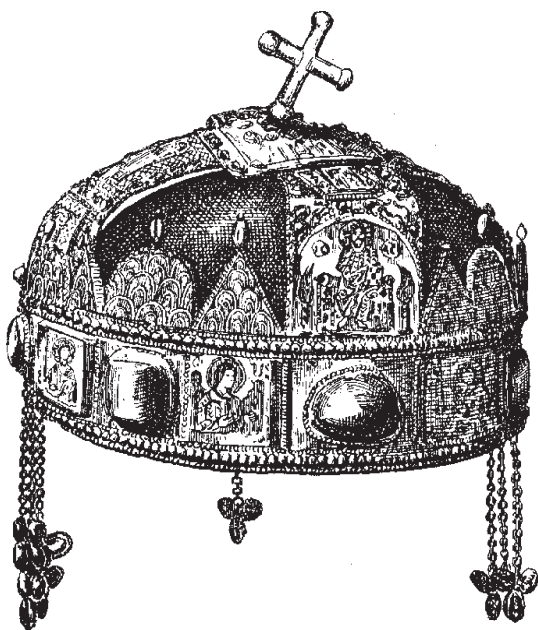
зная, что после его смерти сюзерен не будет иметь права безусловно распоряжаться его леном. Ввиду такого оборота герцог Эрнст подчинился королю и был посажен в заточение. Герцогством Швабией Конрад стал управлять сам, а Баварию, оставшуюся к этому времени без герцога, передал своему сыну Генриху. И младшему Конраду также пришлось покориться; он тоже попал в заточение. В том же году бургундский король Рудольф III признал сына

Конрада Генриха своим наследником. В пасху 1028 г. этот 11-летний мальчик был коронован в Аахене. Не так удачны были войны Конрада на востоке, которыми преимущественно был занят ближайший год.

Против короля *Мечислава Польского* Конраду удалось приобрести союзника в юном *Бржетиславе*, сыне князя *Чешского*, и таким образом воспрепятствовать опасному слиянию Чехии и Польши. В целом войны с Польшей были неудачны, и в 1030 г. Мечислав жестоко опустошил германские земли между Эльбой и Заале. Все усилия Конрад направил на подчинение *Венгрии*, где о господстве Германии не хотели и слышать. После несчастной для венгров Лехской битвы в Венгрию стало проникать христианство, и появились попытки сплотить мелкие разрозненные владения в одно сильное королевство.

Это удалось выполнить королю *Гейзе* (972–997), который крестился в 973 г. В Венгрию были призваны миссионеры и немецкие переселенцы, и следующий правитель, король *Стефан Святой* (997–1038), довершил начатое его предшественником. Он вошел в сношения с папой Сильвестром II, который прислал ему королевский венец. Государственный строй Венгрии был перенят Стефаном с франкского образца. Все королевство поделили на 72 графства или *комитата*, во главе которых поставили графов. Графы и крупные землевладельцы с епископами стали съезжаться на *сеймы*, которые долго еще носили характер шумных и беспорядочных собраний. Вслед за вышеупомянутыми сословиями шли свободные землевладельцы, составлявшие высший класс дворянства и назначавшие сельских судей, решения которых могли выноситься на суд графа. Христианство быстро распространялось в народе, поскольку кре-

Войны
Конрада
на востоке.

Корона святого Стефана.

Послана в дар венгерскому королю византийским императором. Служила для коронаций венгерских королей до прекращения существования Австро-Венгерской монархии.

шение было сопряжено с освобождением от рабства: в среду знати, где христианство ограничивало широко развитое грубое кулачное право, долго не могли проникнуть чувство законности и чистота нравов. Поход против Венгрии, предпринятый Конрадом в 1030 г., оказался неудачен, поскольку цель похода не совсем была ясна. Он закончился договором, заключенным королем Стефаном с королем-младенцем Генрихом, против которого Конрад не возражал.

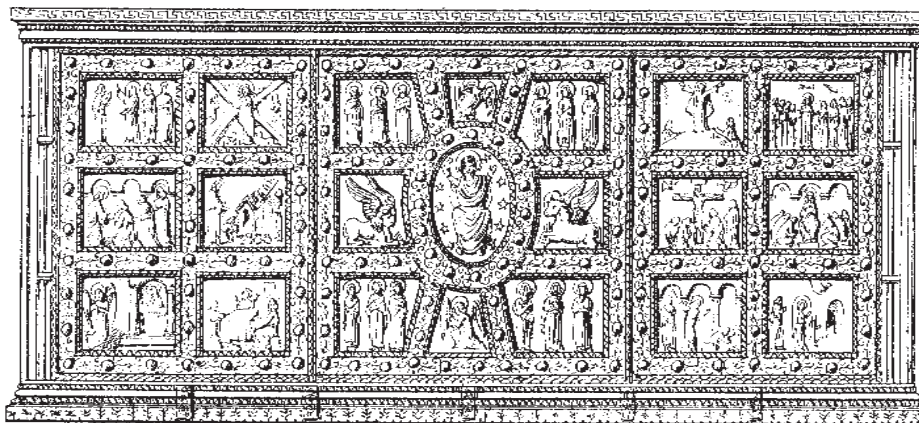
Императорская печать Конрада II.

Надпись по кругу: «+CHVONRADVS D(e)i GRA(tia) ROMANOR(um) IMP(erator) AVGV(ustus)».
С акта, данного в Госларе в феврале 1031 г.

Только после примирения со Стефаном Венгерским Конрад смог продолжить войну против *Польши*. В 1032 г. она закончилась полным подчинением Мечислава, признавшим себя вассалом Конрада. После его смерти поднялись нескончаемые внутренние смуты, совладать с которыми Германии было не под силу. В сентябре 1032 г. скончался король Рудольф Бургундский. По его завещанию корона *Бургундии* перешла к Конраду. Еще раз пришлось воевать из-за этой важной территории, от обладания которой зависело господство в Италии. Граф Шампанский *Эд*, опираясь на многочисленную партию, которой не хотелось подчиняться могущественному владыке, еще раз решился

**Оконча-
тельное
приобре-
тение
Бургун-
дии.**

на борьбу с императором. Но Конрад заключил союз с молодым французским королем *Генрихом I*, которому мятежный вассал тоже не был приятен. В свой первый поход в Бургундию Конрад подчинил себе ее аламаннскую часть. Во второй, летом того же года, он вступил в Шампань, наследственное владение Эда. Во время третьего похода он наконец достиг своей цели. С севера в Бургундию вступило немецкое войско, с юга через Сен-Бернар и долину Роны —

Золотой алтарь в соборе св. Амвросия в Милане.

В центре изображен Христос и символы четырех евангелистов. На плитках — основные сцены истории Христа. На одной из них написано имя автора: «Мастер Вольвиний».

итальянское. Войска соединились в окрестностях Женевы. Сопротивление оказалось невозможным, тем более что все проходы через Альпы были теперь в руках Конрада — завоевание Бургундии было закончено.

Второй
поход в
Италию.

Еще раз Конраду пришлось вмешаться в итальянские дела. Миланский архиепископ *Ариберт*, человек в высшей степени честолюбивый и тщеславный, задумал образовать из *Милана* и окрестности особое самостоятельное «владение святого Амвросия» по образцу папского владения святого Петра. Согласившись с крупнейшими вассалами Ломбардии, так называемыми капитанами, он немилосердно теснил мелких вассалов (*вальвассоров*), которые наконец не выдержали притеснений — и началась кровавая борьба. Обе стороны обратились с жалобами и просьбами о помощи к императору Конраду, который в начале 1037 г. явился с войском в Италию, предварительно заручившись союзом с богатым маркграфом *Бонифацием Тосканским*, светским врагом Ариберта Миланского. Разрыв с этим гордым архиепископом произошел на сейме в Павии, когда тот заявил, что ни по чьему велению не поступит ни пядью владений святого Амвросия. По приказанию Конрада он был посажен в заточение, однако бежал из него и еще долго вел упорную ожесточенную борьбу с вальвассорами, поддерживаемый миланцами, которые стояли за него горой.

Закончить эту борьбу Конраду не удалось. Однако он сделал смелый шаг, разом изменив политику, которой придерживались по отношению к Италии прежние германские государи. Он сместил архиепископа Миланского и затем издал знаменитую *Павийскую конституцию*, в которой удовлетворил все требования вальвассоров: объявил лены наследственными, дал им составленный из их выборных суд с правом апелляции к императору и его пфальцграфам и т. д. Ариберт на свое смещение отвечал предложением короны Ломбардского королевства Эду, герцогу Шампанскому, врагу Конрада. Тот принял предложение и вторгся с войском в Лотарингию, но потерпел там жестокое поражение и сам пал в битве. Голову его прислали в Италию в знак победы. Но борьба продолжалась и все более и более затягивалась — и Конрад, не дождавшись конца и поручив ведение войны дружественным итальянским князьям, вернулся в Германию.

Павийская конституция.

В Германии все было спокойно, и Конрад, созвав бургундских вельмож в Золотурне, без всякого затруднения смог передать Бургундию во владение своему сыну Генриху, который таким образом стал правителем Швабии, Баварии, герцогства Франконского и Бургундии. Вскоре после этого Конрад умер в Утрехте в 1039 г. Он был погребен в *Шпейерском соборе*, заложенном им еще в 1030 г. Только его внук смог закончить величавое здание этого собора.

Смерть Конрада. 1039 г.

Переход власти к его сыну *Генриху III* (1039–1056) совершился спокойно: 22-летний принц давно уже был посвящен в дела и пользовался общим доверием. Хорошо воспитанный, он получил возможное по тому времени научное образование, которому его отец придавал большое значение, поскольку сам был его лишен. В Генрихе была идеальная сторона, которой не было у Конрада. Его биограф Випо приписывает ему все добродетели христианского государя, однако это еще не характеризует его личность. Он описывается человеком рослым, на голову выше среднего мужского роста, с крайне смуглым цветом лица. Он был женат на дочери датского короля *Гунхильде* — это имя было переделано в Германии на общепринятый лад в Кунигунду, — но она умерла после двухлетнего супружества в 1038 г.

Генрих III.

Обстоятельства сложились необыкновенно благоприятно для воцарения Генриха. Народная власть герцогов могла считаться упраздненной: они еще оставались только в Саксонии и Лотарингии. Каринтия освободилась; самые значительные из тогдашних властителей — датский Кнут Великий и Стефан Святой Венгерский — умерли раньше Конрада, не оставив, подобно ему, равных им по достоинству сыновей. От нового короля ожидали решения назревшего вопроса церковной реформы, чего сторонился Конрад. Римский престол, все еще занятый недостойным Бенедиктом IX, очень нуждался в реформах. Одним из первых последствий нового управления было то, что заносчивый миланский архиепископ Ариберт стал искать примирения, для чего явился в Ингельхайм на пасху 1040 г. Он был восстановлен в епископском звании и, таким образом, в Германии, как и в Бургундии и Италии, установились мир и порядок.

Воцарение Генриха. Италия.

Особенного внимания требовали обстоятельства на востоке, к которым Конрад последнее время относился несколько равнодушно. В *Польше* после

Чехия.

смерти Болеслава господствовала анархия и снова укрепилось язычество. В Венгрии положение преемника Стефана Святого, его зятя *Петра*, было затруднительным, здесь христианство еще не пустило глубоких корней. Чешский князь *Бржетислав*, пылкий, способный и честолюбивый, воспользовался польской смутой. Он рассчитывал осуществить то, что на короткое время удалось могущественному Болеславу Храброму: основать великое и независимое славянское государство. В один поход, почти не встретив сопротивления, он завладел *Краковом* и *Гнезно*, причем из последнего города вывез драгоценную и важную добычу — останки святого Адальберта, перевезенные в столицу Чехии Прагу, которую Бржетислав хотел обратить в столицу своего великого государства. Он желал сойтись с Генрихом, думая обмануть его мнимой покорностью. Это ему не удалось, и началась война. Первый поход 1040 г. был неудачен, но тем победоноснее оказался второй 1041 г. У Праги соединились три немецкие армии. Бржетислав покорился. Он предстал перед королем в Регенсбурге, и Генрих выказал тут свой государственный ум: он принял от Бржетислава изъявление покорности и отречение от чешского престола, но возвратил ему княжество вместе с Силезией. Таким образом он обратил его в своего союзника, близко к сердцу принимавшего распространение христианства.

Польша
и Венг-
рия.

Что касается Польши, то законный наследник престола *Казимир Пяст* находился в Германии. С разрешения короля в 1041 г. он попытался, и с успехом, снова завоевать и умиротворить свои владения, после чего правил ими в качестве герцога и вассала германского короля. Петр Венгерский был низвергнут бурным восстанием и бежал к королю Генриху в Регенсбург. Вместо него победившая партия выбрала одного из вельмож, *Абу*. Этот Аба, несмотря на то, что христианство еще держалось, обратился к прежнему дикому, языческому обычаю хищнических набегов: не объявляя войны, в 1042 г. он вторгся в Баварию, однако проник недалеко: благодаря местным военным силам он потерпел поражение. Осенью того же года Генрих сам вступил в Венгрию, разбил в двух сражениях короля-самозванца и вернулся назад, завадев страной до границы и везде оставив свои гарнизоны. Он предпринял новый поход в 1043 г., когда Аба опять завладел властью, но до войны не дошло, поскольку Аба предложил мир на выгодных условиях: он признавал главенство Германии и предоставлял в ее владение все земли до Лейты и Моравы. В этих битвах Генриха поддерживало *рыцарство* — многочисленное сословие, сплоченное или даже созданное Конрадом II. Генрих охотно вознаграждал воинов за храбрость и мог благодаря завоеванной добыче платить им и наделять землями.

Королева
Агнесса.

Осенью 1043 г. молодой король вторично вступил в брак, избрав невестой аквитанскую принцессу *Агнессу де Пуатье*, дочь богатейшего и могущественнейшего из западно-французских вассалов, герцога Гильома Аквитанского: этой фамилии был обязан своим основанием монастырь Клуни. Свадьбу отпраздновали в Ингельхайме, куда съехалось в ожидании богатой благодетельницы великое множество всякого народа: музыкантов, фигляров, певцов, преимущественно из Южной Франции, почитавшейся тогда классической страной

всех вольных искусств. Но эти люди ошиблись в расчете, потому что степенный король не выказал им никакого благоволения. Духовенство, давно осуждавшее такие потехи, разделяло в этом случае воззрения короля и заняло враждебную народу позицию.

Этот брак был связан с обширными планами, основанными на слабости королевской власти в Восточной Франции. Но к их выполнению, как и к проведению задуманных церковных реформ, особенно требовавшихся в Аквитании с ее вольными искусствами, явно враждебными этим реформам, Генрих еще не был готов. Обстоятельства в *Венгрии* опять усложнились: король Аба плохо платил Генриху за снисхождение, и против него необходим был новый поход. Аба отступил внутрь страны перед сильным германским войском и приготовился принять бой лишь по ту сторону Раба. Битва, называемая битвой под *Менфё*, оказалась решительной: венгерские войска были разбиты наголову, король Петр снова возведен на престол. Его соперник бежал, но был пойман и обезглавлен по повелению Петра в 1044 г. Генрих отпраздновал у своего вассала в Секешфехерваре Духов день 1045 г. Перед этим ему пришлось усмирять тяжелую смуту в *Лотарингии*: в 1044 г. там умер герцог Гозелон. Его старший сын *Готфрид*, опираясь на личную доблесть и несомненные заслуги, ожидал утверждения за собой нераздельного ленного герцогства. Однако король предоставил владение Нижней Лотарингией младшему брату Готфрида. Готфрид взялся за оружие, восстала и Бургундия, но король подавил мятеж. Готфрид предстал перед судом князей, был приговорен к заключению и отвезен в Гибихенштейн. Смерть младшего герцога не изменила решение короля: Готфрид был прощен, но вынужден был довольствоваться только Верхней Лотарингией; Нижняя досталась одному баварскому вельможе. Король, не следуя примеру отца, не оставлял незанятыми герцогские престолы, избегая лишь сажать на них местных уроженцев. Вследствие этого новые герцоги были зависимы от него. Летом 1046 г. обстоятельства оказались настолько благоприятными, что Генрих мог отправиться в Италию. Он ехал в страну вполне умиротворенную, как и покидаемая им. Всюду: на севере и юге, востоке и западе, — уважалась и внушала страх власть немецкого государя.

**Венгрия.
1040 г.**

Поездка Генриха в Рим была важным событием. От нее ожидали большого влияния на церковные дела, давно находившиеся в критическом состоянии. С одной стороны, *духовенство* сознавало свою громадную силу и высокое назначение. Однако оно чудовищным образом преувеличивало его и доводило до крайности почитание и боготворение патронов и святых, основателей любой церкви, монастыря и епархии, прибегая для прославления этих угольников к нелепым чудесам и грубо подтасованной лжи. Немало зла причинял и промышлявший этим нищий сброд, над которым производились у могилы какого-нибудь святого достаточно искусно инсценированные чудесные исцеления, причем очевидный обман не колебал веры в подобные чудеса. Поручение светских дел духовным лицам, что вошло в обычай при последних царствованиях, только подняло их значение и дало им в то же время возможность завершить иерархическую организацию и сделать себя необхо-

**Поездка
в Рим.
Церков-
ные дела.
Мир Гос-
подень.**

димыми. Такие благоприятные условия позволили им увеличить владения, никогда не дававшие такого дохода под их управлением. С другой стороны, этим богатствам постоянно угрожала ненасытная алчность великих и полувеликих мирян, что издавна заставляло духовенство изыскивать средства для отвращения беды, что заключалось в отдаче церкви или монастыря под покровительство могущественного лица, способного защитить духовные имущества от насилия других могущественных лиц. Такой мирской опекун был необходим, поскольку значительная часть законов не допускала духовных лиц к

Виночерпий и группа музыкантов. Из рукописи XIII в. Париж. Национальная библиотека.

светскому управлению. Но часто такой опекун становился источником угнетения, во всяком случае, он предлагал свои услуги не даром. Он взимал свой процент, свою часть дохода, у него были сыновья и дочери, которые, пока они не были пристроены, спокойно содержались за счет церковных средств и угодий. Таким образом, в жизнь духовенства все шире вторгся *мирской элемент*, которому и так уже настужь были открыты двери. Здоровые умы с прискорбием взирали на грубое насилие, наглость, лукавство, бражничанье, разврат, столь резко противоречащие предписаниям церковной нравственности, требовавшей почти невозможного самоотречения, полного умерщвления человеческого естества и истязания плоти. Чудовищным злом, наиболее бросающимся в глаза и непосредственно

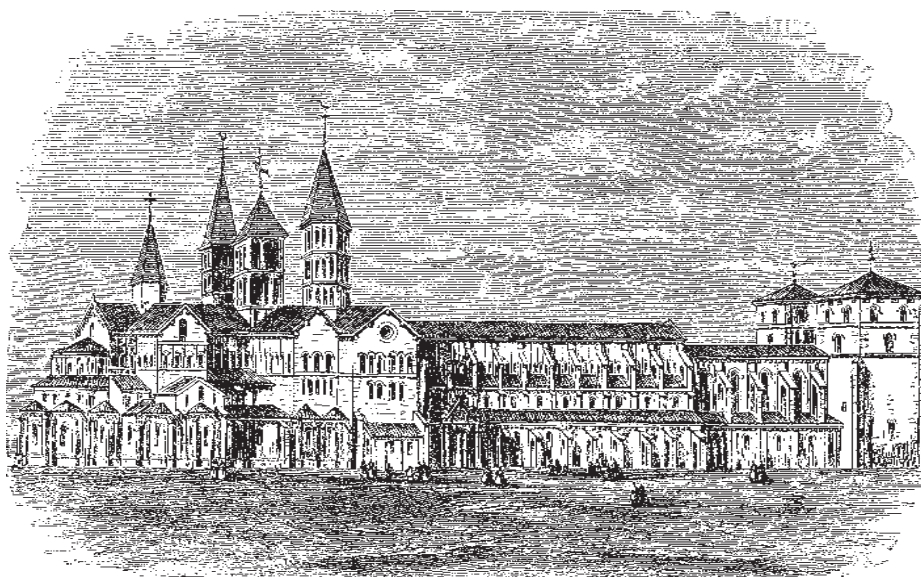
ощущаемым всеми, было непрерывное кровопролитие, вечные распри, противные христианской любви и сопровождаемые всевозможными бедствиями и злодействами. Обычай *«судебных поединков»* доказывает, как присуща еще была человечеству первобытная дикость с решением всех вопросов грубой силой, с девизом «кровь за кровь», со всеми ее ужасами. Один епископ свидетельствует, что в течение одного года в его округе в таких поединках пало не менее 35 человек. Широко распространившееся мнение о скором светопреставлении вызвало сильный подъем религиозного настроения. Однако устрашавший всех 1000-й год прошел, не вызвав падения небесного огня на землю, и все продолжали грешить. Реальные бедствия породили мысль о блаженном умиротворении всего христианского мира. Эта мысль о

«мире Господнем» возникла именно там, где господствовали чувственность и наслаждение земными благами — в Южной Франции. Постоянные неурожайи 1028–1030 гг. вызвали страшный голод. Во многих местах народ питался только кореньями, травой, глиной; на проезжавших нападали, убивали их и съедали; сложность сообщения затрудняла доставку помощи. Благотворительности духовенства, раздачи милостыни и монастырских народных трапез было недостаточно для борьбы со страшным бедствием. Ужасные дожди прекратились лишь в 1031 г., оживив надежду на будущее. Подобное настроение — самое плодотворное для человеческих дел: мысль о только что пережитом бедствии и сладостное ощущение возврата к жизни слились воедино. Они внушили духовному сословию возвышенную мечту о насаждении вечного мира. Этот христиански-идеалистический порыв объял Францию и распространился по всей Европе. Соборы обсудили прекрасную грезу и постановили учредить «мир Господень». Господство этой идеи некоторое время было так сильно, что общественное мнение принуждало даже несогласных с ней принимать ее и покоряться тому, что требовалось от них именем Божиим. Но когда за голодным периодом последовало несколько урожайных годов, люди поняли, что прекрасная мысль неосуществима. Желательно было спасти хотя бы ее часть: вместо мира Господня установить *перемирие Господне* — «*Treuga Dei*». По-видимому, и это практическое видоизменение возвышенной идеи возникло прежде всего в Аквитании. Благодаря соглашению епископов с мирской знатью в 1040 г. было решено, что всякие распри должны приостанавливаться на время от вечера среды до утра понедельника. За нарушение этого правила, освященного народным обычаем, назначались церковные епитимии и мирские кары. Конрад сочувственно относился к этой мысли, а Генрих III постарался по возможности ввести его в своих владениях, по крайней мере в Бургундии «*Treuga Dei*» была принята. Самым ранним документом такого многозначительного прогрессивного движения служит послание аббата *Одилона Ключийского* и других бургундских епископов из Арля, Авиньона и Ниццы, написанное ими от имени всего галльского духовенства в виде обращения к итальянскому духовенству в 1041 г.

Такая идея доказывает силу духовного направления в середине XI в. Но могущественная партия, сознававшая необходимость церковных реформ, не желала останавливаться на этом. Ее центром был монастырь в *Ключни*, основанный герцогом Гильомом Аквитанским в 910 г. и принявший устав святого Бенедикта подобно многим другим. Этот монастырь, подчиненный непосредственно римской церкви и ставший главой многочисленных основанных им или добровольно приписавшихся к нему обителей, скоро приобрел большое значение в качестве главы целой конгрегации. Эти присоединенные, «конгрегационные» монастыри не выбирали своих настоятелей, их «*приоры*» назначались аббатом Ключийским. Самым выдающимся из аббатов, стоявшим во главе конгрегации с 994 по 1040 г. и входившим в тесные отношения с четырьмя государями: Оттоном III, Генрихом II, Конрадом II и Генрихом III, был Одилон, один из влиятельных людей своего времени. Церковная идея разрабатывалась в Ключни с возраставшей ясностью взгляда на предмет и

Ключийская конгрегация.

проводилась до крайних пределов. Два главные злоупотребления, против которых усерднее всего ратовала эта оппозиция ввиду вызываемого ими всеобщего негодования, были симония и николаизм. Под *симонией* клюнийцы и единомышленники понимали торговлю духовными местами, покупку или обмен церковных должностей и званий за деньги или земли. Это был грех, родоначальником которого считался Симон Волхв (Деяния апост., 8), предложивший однажды апостолам Петру и Иоанну научить его за деньги сообщать

Старинное здание аббатства в Клуни.

наитие святого Духа наложением рук. Название «*николаизм*» заимствовано из Апокалипсиса и обозначает плотскую греховность духовных лиц. Общее негодование было резко возбуждено в двух отношениях: положение епископов тогда было столь многосторонне выгодно и блестяще, что возбуждало поползновения знатных и простых лиц. Никогда еще не был так верен текст: «Взыскивающий епископства взыскивает сокровища», вследствие чего таких мест домогались любыми средствами. Но усердие преобразователей, подчиняясь духу времени, вращавшемуся среди резких противоположностей, скоро стало подводить под понятие о симонии всякое назначение духовных служителей мирской властью, а под именем «*николаизма*» понимать и браки духовных лиц, обычные в то время в среде низшего духовенства, на которые разумные вожди церкви смотрели как на ничтожное зло. Король Конрад при светском и практическом взгляде не стеснялся раздавать епископские кафедры и аббатства за деньги. Любое новое назначение на высшее духовное место приносило королевской казне хороший доход. Король Генрих из уважения к церкви

и строгой нравственности осудил симонию, выражая это при каждом торжественном случае. То, что называли николаизмом, можно было прекратить лишь после уничтожения его главного источника — симонии. Таким образом, ближайшей целью реформаторов было устранение симонии. Однако оно могло исходить лишь от императора, поскольку папство издавна глубоко погрязло в этом пороке.

Действительно, под сенью святилища гнезился позорнейший разврат. Порочному *Бенедикту IX* противопоставили было *Сильвестра III*, но Бенедикт одержал верх. Однако его тяготил сан. Он мечтал о супружестве и скоро продал свое духовное верховенство за 1000 серебряных марок одному римскому клирику, который принял имя *Григория VI* и употребил нечисто приобретенное достоинство, по крайней мере, на доброе дело — на утверждение церковных реформ. Но как Бенедикт, так и Сильвестр, служившие орудиями партий, устранены были ненадолго, так что, когда Генрих вступил в Италию в 1046 г., в ней было трое пап.

Папский престол.

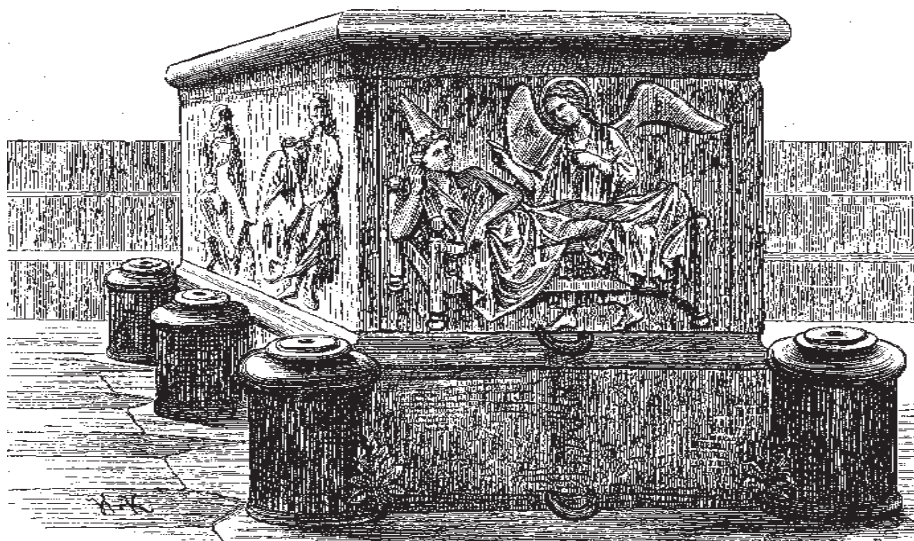
С целью прекратить такой соблазн был созван собор в *Сутри* (Тоскана). Григорий VI признал себя на нем виновным и отрекся от своего греховно добытого сана. Другие папы были низложены, и королю предоставлено избрание нового главы церкви. Среди итальянского духовенства, развращенного более всех прочих, не нашлось ни одного человека, соответствовавшего требованиям высокого положения. Выбор Генриха пал на епископа Бамбергского, знатного саксонца *Свидгера*, который неохотно покинул свою епархию, чтобы стать папой. Это был безупречнейший человек. Он принял имя *Климента II* и совершил коронование императора в день рождества 1046 г. В сопровождении нового папы император отправился в Южную Италию для распоряжения Апулией, отнятой в прошлом году у греков, преимущественно благодаря отваге норманнских рыцарей. Он утвердил существовавший там порядок, предоставив графство Апулию в ленное владение одному из норманнских вождей, Дрогому (1047 г.). В мае того же года он вернулся в Германию.

Собор в Сутри. 1046 г.

Здесь ему предстоял поход в Венгрию, где король Петр был низвергнут и мятежники, начавшие жестоко преследовать христиан и духовенство, избрали в короли представителя старой королевской династии, потомка *Арпадов* по имени *Андрей*. Этот король, верный своему христианскому имени, вернулся на путь прежней церковной политики и поддержал христианство. Задуманный Генрихом поход был на время отложен, тем более что герцог Лотарингский Готфрид снова взялся за оружие, подняв мятеж во Франции, Бургундии и Италии. Смута возросла настолько, что Бенедикт IX, воспользовавшись смертью Климента II, вернулся в Рим с помощью маркграфа Бонифация, до этого времени усердного сподвижника императора, а теперь тайного союзника лотарингских мятежников. Генрих скоро расправился с мятежом в Италии. Назначенный им папа, бриксенский епископ Поппо, вступил на папский престол под именем *Дамаса II* (1048 г.); с французским королем также восстановились хорошие отношения. Другая опасность возникла в Саксонии, где герцогская семья *Биллунгов* со злобной ненавистью преследовала преданного императору бременского архиепископа *Адальберта*, выжидая случая для проявле-

Генрих III в Германии.

ния этой ненависти. Опасность со стороны Лотарингии миновала только в 1049 г., когда императорские войска под предводительством герцога Верхне-Лотарингского Гера надели решительное поражение вожакам восстания — графу Дитриху и герцогу Готфриду. В этой борьбе союзником императора был папа Лев IX, бывший епископ Туля Бруно, занявший римский престол после смерти Дамаса II. Император указал римским посланцам на него как

Гробница папы Климента II в Бамбергском соборе.

Единственный из пап, похороненный в Германии. В головах гробницы — изображение папы, призываемого ангелом в царствие небесное. По бокам — изображения христианских добродетелей. На верхней доске надпись по-латыни: «Высокочитимый отец и владыка во Христе, господин Суидгер фон Майендорф (родом) из Саксонии, второй епископ Бамбергский, впоследствии названный папой Климентом II, умер в Риме 10 октября 1047 г.».

на достойнейшего, и в феврале 1040 г. он вступил в Рим босой, в монашеском одеянии, читая молитвы, с соответственной свитой. Начав там упорную борьбу с симонией, он на некоторое время отправился к императору и, находясь в его лагере, отлучил мятежников от церкви. Могущество Готфрида рушилось, и он вместе со своим союзником графом Балдуином Фландрским летом 1049 г. просил императора о помиловании.

В течение короткого времени императорская и папская власть действовали заодно. Представителями той и другой были люди замечательные, и в первые годы правления Льва IX его деятельность была возвышенной, одушевленной благороднейшими намерениями, такой, на которой отрадно остановиться. Вскоре он настоял на своем вторичном формальном избрании в Риме, что было им заранее обговорено у императора. Затем упорядочил запущенные внешние отношения римского епископата и приступил к новой системе ду-

Импера-
тор Ген-
рих и
папа
Лев IX.

ховного управления. Он стал править своими обширными владениями не через легатов, а лично, переезжая с места на место, как император: он созывал собор под своим председательством, улаживал споры между епископами, освящал церкви, посещал монастыри, проповедовал, совершал паломничества к гробницам прославленных святых. Так он разъезжал по Франции и Германии, не забывая бывшей епархии Туль, которую оставил за собой, и потом успевал к празднованию пасхи в Рим, уже начавший чувствовать на себе живительное влияние такого деятельного управления. Внешность Льва IX была обаятельной: он был высок ростом, эльзасец, потомок старинного графского дома в Аламании. Его происхождение и воспитание, полученное в процветающей тогда монастырской коллегии в Туле, давали ему возможность выполнять все многосторонние обязанности, возлагаемые на него положением, в котором светские интересы связывались с духовными.

Вначале это оживление папской власти благоприятно отражалось на усилении императорской власти. Казалось, наступает счастливое время. Эти надежды еще более возросли, когда у императора после семилетнего брака в 1050 г. наконец родился сын. Радость была велика, и император в длинном любезном по обычаю того времени письме приглашал аббата Ключийского Гуго быть воспитателем мальчика. Крестины происходили в Кёльне на пасху 1051 г. Обряд совершал архиепископ Герман, один из значительнейших и вернейших сторонников императора.

Нельзя сказать, что последние годы правления Генриха III, а также вся жизнь столь радостно встреченного ребенка оправдали эти надежды. Тяжелый труд, выпавший на долю немецкого короля, бывшего в то же время римским императором, — труд, включавший в себя не одну неразрешимую задачу, возобновился. Генрих поступил рискованно, выпустив из заточения герцога Лотарингского Готфрида, чтобы направить его против графа *Балдуина Фландрского*, некогда его сообщника по мятежу, а теперь вновь поднявшего оружие. Сам император пошел на Венгрию, мир с которой никогда не был продолжительным. Но он потерпел неудачу, как в 1051-м, так и в 1052 г., и Бавария — немецкая территория, на которую он рассчитывал для покорения Венгрии, была потрясена междоусобицей вследствие распри двух могущественных властителей: герцога Конрада и епископа Регенсбургского Гебхарда, дяди императора. Провозглашение князьями в Трибуре трехлетнего сына Генриха будущим королем могло считаться сомнительным успехом, поскольку клят-

Герб графов Фландрских.

Рождение
наследни-
ка.
1050 г.

Послед-
ние годы
Генриха III.

вы немецких князей не имели большого значения. Примером этому мог служить герцог Баварский, который, вместо того чтобы отозваться на приглашение императора, бежал в Венгрию и потом во главе венгерского войска вторгся в Каринтию. Борьба с Балдуином Фландрским продолжалась. Он не покорялся, несмотря на нанесенное ему имперскими силами тяжкое поражение в 1054 г. В сентябре того же года во время пребывания императора в Майнце к нему явилось из Рима посольство с печальным известием о кончине Льва IX. Послы просили императора назначить нового папу.

Папа и
норман-
ны.

Лев IX, вернувшись от императора в Италию в 1053 г., вновь занялся преобразованиями. Обеспечив себя советами и помощью нескольких достойных лиц, он достиг того, что духовенство римской епархии приобрело совершенно иной характер. Однако он не пренебрегал светскими интересами святого престола: утвердил владенные записи на принадлежавшие Риму области, как и ложную дарственную грамоту Константина, занялся военными сборами против норманнов, осаждавших город Беневент, который среди своих бедствий присягнул ему на верность. Император не мог немедленно двинуться в Италию, поэтому неутомимый Лев IX сам собрал войско и вступил в соглашение с греческим главнокомандующим в Бари, чтобы с двух сторон напасть на ненавистных норманнов и изгнать притеснителей с итальянской земли. Норманны сплотили боевые силы, ядром которых было рыцарство, закаленное в бесчисленных боях и опасностях. Однако владели норманны только полем, на котором должно было произойти сражение, потому что против них восстала вся Апулия, жаждавшая сбросить с себя иго. Проигранная битва уничтожила бы их бесследно. Но встретившие их папские войска состояли из сомнительного сброда, который не устоял перед натиском грозных рыцарей и предоставил лучшую часть папской армии — небольшой аламаннский отряд в жертву превосходным силам норманнов. Норманны одержали решительную победу. Папа находился в отчаянном положении среди населения, готового выдать врагам человека, навлекшего на местность ужасы норманнского нашествия. Но именно это и помогло примирению: норманны явились выручить папу, предлагая свою защиту, если тот снимет с них отлучение. Это было исполнено, и они доставили его в Беневент. Поражение действовало на папу угнетающе, тем более что благочестивые люди ставили ему в вину его личное участие в войне, которое не согласовывалось с его саном. Едва вернувшись в Рим, он занемог и скончался в апреле 1054 г.

Клюний-
цы. Гиль-
дебранд.

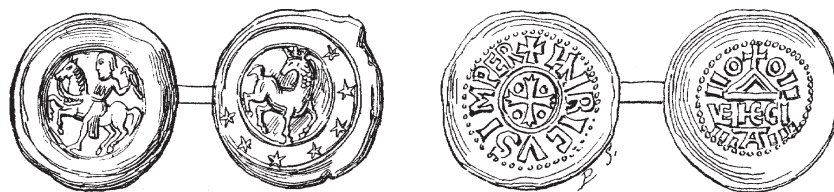
Среди лиц, окружавших покойного папу, замечательнее всех был бывший капеллан Григория VI *Гильдебранд*, которого Лев IX, неохотно принимая папское достоинство, привез с собой из Клюнийского монастыря, где тот почти постоянно пребывал после смерти Григория. Воззрения Гильдебранда на папский престол и на его замещение должны были обнаружиться позднее. Он придерживался всех понятий *клюнийцев* относительно церкви и ее верховенства, не отступая перед развитием этих идей. Но в то время он обладал государственным взглядом, указывавшим ему на возможность мер лишь при их своевременности, а положение в Италии было таким, что нарушение союза с императором привело бы папство к гибели. Поэтому, не мечтая о сане

римского первосвященника для себя, он стал во главе посольства, отправившегося к императору с просьбой от римского народа назначить преемника Льву, и даже сам указывал при этом на епископа Эйхштетского Гебхарда, такого же достойного члена немецкого епископства, как Лев, и обладавшего большим практическим смыслом. После долгого сопротивления Гебхард наконец выразил согласие, затем был формально переизбран в Риме в угодую взглядам ключников и посвящен под именем *Виктора II*. Вскоре после этого император во второй раз за время своего царствования посетил Италию. Он крепко стянул бразды и расстроил особенно опасную интригу, начатую с обильного своими последствиями брака Готфрида Лотарингского с Беатрисой, вдовой вышеупомянутого маркграфа Тосканского Бонифация. Полученные им важные вести заставили его скорее вернуться в Германию. Среди немецких князей, которым ненавистно было строгое и разумное управление Генриха, возник заговор, во главе которого стоял дядя императора, епископ Регенсбургский Гебхард. Речь шла об убийстве Генриха: вельфский обычай — не затрудняться ни ядом, ни кинжалом — начинал прививаться и в Германии. Заговор был раскрыт, епископ схвачен прежде, чем успел заподозрить опасность. С этой заботой скоро было покончено, но ее сменили другие. Дела на востоке были неудовлетворительны: Венгрия не усмирена; в Чехии новый герцог, преемник Бржетислава, был ненадежен; в Вендской земле лютичи снова впали в язычество. Император мог помиловать своего дядю, и с герцогом Лотарингским у него установились хорошие отношения (1056 г.). В сентябре того же года Генрих отправился в *Гослар*, где воздвигал большие постройки. Здесь ему пришлось принять папу, которого он ожидал с нетерпением. Посещение было кстати. В Бодфельде, — крепости или охотничьем замке, куда его сопровождал папа, он получил известие о поражении имперцев лютичами. Эта весть так подействовала на него, человека впечатлительного и никогда не обладавшего крепким здоровьем, что он заболел лихорадкой. Генрих успел составить завещание. У одра умирающего успели собраться многие князья и епископы. Они обязались признать наследником его единственного сына. Затем, объявив обширную амнистию, император скончался 5 октября 1056 г. Ему было всего 39 лет. 28 числа того же месяца — день его рождения, — его похоронили в Шпейере, в соборе, где уже покоились Конрад и Гизела.

Успел бы Генрих, прожив дольше, осуществить великую церковную реформу, установив при этом императорскую власть на более прочных основах, — вопрос праздный. Невозможно представить более неблагоприятное положение. Присутствие папы было счастьем: он помог императрице справиться с первыми затруднениями. Однако в следующем 1057 г. умер и он, а *Генрих IV*, впоследствии царствовавший с 1056 до 1106 г., был тогда 6-летним ребенком. Регентство было в руках его матери *Агнессы*, женщины ограниченной, постоянно находящейся в зависимости от тех, кому она доверяла. Самым влиятельным из них был *Генрих, епископ Аугсбургский*, заслуживавший такого доверия. Его положение вызывало зависть других, и всякое назначение, всякое изъявление благосклонности двора создавало правительство на одного довольного или полудовольного десятерых озлобленных этой

**Генрих IV.
Регентство.**

милостью. Все такие интриги и дразги не могут быть описаны вкратце. В Венгрии во время регентства произошел переворот, при котором *Бела*, враждебный немцам брат Андрея, сын которого был обручен со второй дочерью императрицы, Софьей, захватил власть. Важнее было происходившее в Италии. После смерти Виктора папой был избран брат герцога Лотарингского Готфрида кардинал Фридрих под именем *Стефана IX*. Но он умер через

Монеты Генриха IV.

несколько месяцев, после него избрали *Бенедикта X*, в результате чего партия Гильдебранда должна была на время удалиться из Рима и вновь обратиться к императрице для получения ее согласия на избрание нового папы в лице флорентийского епископа Жерара, которого и привез в Рим герцог Готфрид, самый могущественный деятель в Италии после Гильдебранда. Новый папа был наречен *Николаем II*.

Рим.
Папа Ни-
колай II.

Партия Гильдебранда действовала энергично. Она победила антипапу Бенедикта, лишённого духовного сана по приговору Латеранского собора в апреле 1059 г., смирила архиепископа Миланского и державшее его сторону духовенство, возбудив посредством своих агентов народ против женатых священников. Она же настояла на утверждении собором *порядка избрания пап*. Подобный порядок имел важное значение для усиления папской власти. Отныне папы должны были избираться *кардиналами*, т. е. высшими сановниками римской курии, сердцем или краеугольным камнем христианства, а не знатью или народом. Соизволение короля оставили в силе, но в выражениях, легко допускавших иной смысл. Весь декрет был представлен для общего сведения в искаженном виде и внесен в собрание церковных узаконений 1059 г. В то же время названный собор установил строжайшие правила против симонии и николаизма: мирянам воспрещалось присутствовать при богослужениях, совершаемых женатыми священниками. На этом же значительном соборе был решен важный догматический вопрос. Различие воззрений на *евхаристию*, бывшее причиной разногласия между Пасхазием Радбертом и Ратрамном в IX в., в последнее время обострилось: *Беренгарий*, глава турской школы, со всей остротой диалектика развивал учение Ратрамна, видевшего во вкушении тела и крови Христа лишь *символическое* значение. Между тем, его противник *Ланфранк*, состоявший в то время схоластом при галльском монастыре Бек, горячо защищал *материальность* тела и крови Христа, вкушаемых в виде хлеба и вина при причастии. Нет сомнения, что Гильдебранд разделял спиритуалистическое воззрение Беренгария: он сам посоветовал ему отправиться в Рим на этот собор. Но все воззрения той эпохи

склонялись более к догматическому истолкованию Ланфранка. Крайне развившееся в это время высокомерное духовенство сознавало, насколько возрастает могущество церкви, если народ будет видеть, что священнослужитель возносит перед ним в святых дарах плоть и кровь Христа. Поэтому оно готово было склониться на сторону учения, по которому в силу произносимых слов молитвы совершалось чудо претворения. Понимая это, Гильдебранд не решился поддержать Беренгария, когда тот явился на собор. Напротив, Беренгарий должен был присоединиться к учению своих противников самым резким и осязательным образом, признавая, что преломляется и подносится руками священнослужителя и «вкушается верующими» истинное тело и истинная кровь Господа. Но собрание занималось не только декретами и догматическими решениями. Последние события доказали, что папство нуждается в могучем светском союзнике — прежде всего для противодействия римскому дворянству, постоянно стремившемуся обратить папский престол в орудие своих жалких интересов, а затем и для борьбы с властью немецких государей, если последние задумают удерживать за собой прежнее положение. Николай и его ближайший советник нашли такого союзника в норманнах, во главе которых находились тогда князь Ричард Капуанский и Роберт, один из многочисленных сыновей Танкреда Отевильского.

Судьба *Роберта Гискара* может служить наглядным примером легкости, с которой возвышались в то время люди. Начав свое поприще с обыкновенного воровства — он угонял с полей по ночам чужой скот, — он вырос до грабежа на больших дорогах, а потом стал вождем рыцарско-разбойничьей шайки наемников, которые, укрепясь на какой-нибудь удобной возвышенности, совершали набеги на окрестности, собирая с нее дань. Наконец, наведя страх на более обширные местности, он стал величать себя *герцогом Апулии и Калабрии*. Двух таких людей папа принял на свою службу, причем они принесли ему ленную присягу, вследствие чего добавили к своим титулам «милостью Божьей и святого Петра». Этот договор был выгоден для обеих сторон, подобно союзу Пипина с папой Захарией. Норманны получили права итальянских уроженцев, а партия Гильдебранда приобрела в них верный оплот против всех, кто стал бы угрожать самостоятельности папского престола или хотя бы противодействовать

*Епископ в облачении для мессы.
По изображению на миниатюрах
XII в. Музей Кюни.*

**Папа и
норман-
ны. Ро-
берт Гис-
кар.**

проявлениям этой самостоятельности. Относительно Апулии, Калабрии и всех земель, которые могли еще быть отняты у неверных, папа и партия, орудием и вождем которой он был, считали, что они властны там распоряжаться, сознавая, что им все позволено. Они обладали ключом, отворявшим любую дверь или способным давать право ее отворять. Этим ключом было «*благо церкви*». «Государственное благо должно быть высшим законом», — гласило известное правило римского права. Однако и этот мирской закон государства должен был уступать высшему — благу церкви. Суть этого блага в каждом отдельном случае высокие духовные лица и единственно компетентные толкователи текстов предоставляли право решать только себе.

Гильдебранд сумел проложить себе дорогу среди препятствий. Состоя архидиаконом римской церкви, он приобрел значительное влияние и подчинил себе окружающих превосходством ума. В июле 1061 г. Николай II умер. Гильдебранд склонил кардиналов в пользу епископа Луккского Ансельмо и убедил этого папу *Александра II* выступить против антипапы Кадала, которого выбрали ломбардские епископы, враждебно настроенные к главенствовавшей в Риме партии. Это дело еще не было закончено, когда в Германии произошел государственный переворот, изменивший положение.

Слабость и произвол правительства вызывали в Германии справедливые жалобы. Они открывали дорогу честолюбивым и смелым замыслам, особенно со стороны духовенства. При шаткости всех отношений лиц высшей духовной иерархии обуял дух захвата, поскольку по умственному развитию они превосходили светских князей, располагали многочисленными служилыми людьми и вассалами, а также тем, что можно назвать прессой того времени и что всегда составляло немалую силу. Читая набожные послания, с которыми королева обращалась к святым отцам, выражая полную уверенность, что молитвы клюнийских монахов спасли бы ее мужа от смерти, если бы они

того захотели, можно понять, до чего могло возрасти высокомерие сословия, которому весь мир приписывал особую, мало понятную обыкновенному человеку, таинственную и потому еще более подавляющую власть. Среди монахов, окружавших архиепископа *Бременского Адальберта*, лелеявшего честолюбивую мечту об учреждении северного патриархата, выделялся архиепископ *Кёльнский Анно*, вышедший из низов, но пробивший себе дорогу природной энергией. Движимый честолюбием, он не хотел довольствоваться тем, чем утоляли свою жажду богатства и власти посредственные люди. Он полагал,

Схизма.

Анно
Кёльн-
ский. Пе-
реворот
1062 г.

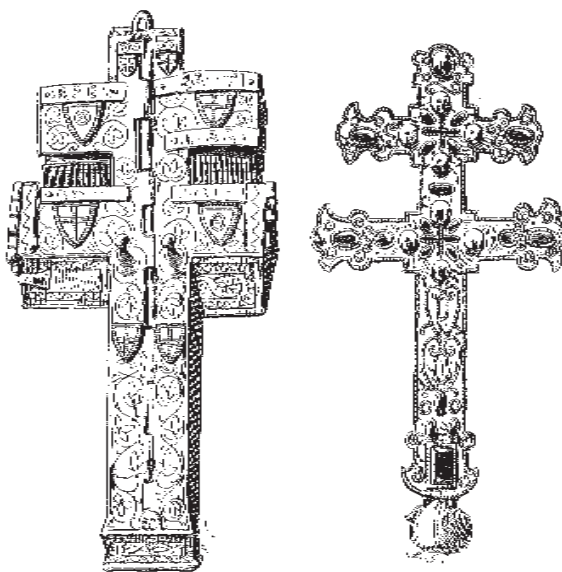

Священник в облачении
для мессы.

По миниатюрам XI в.
В руках священник
держит Евангелие.

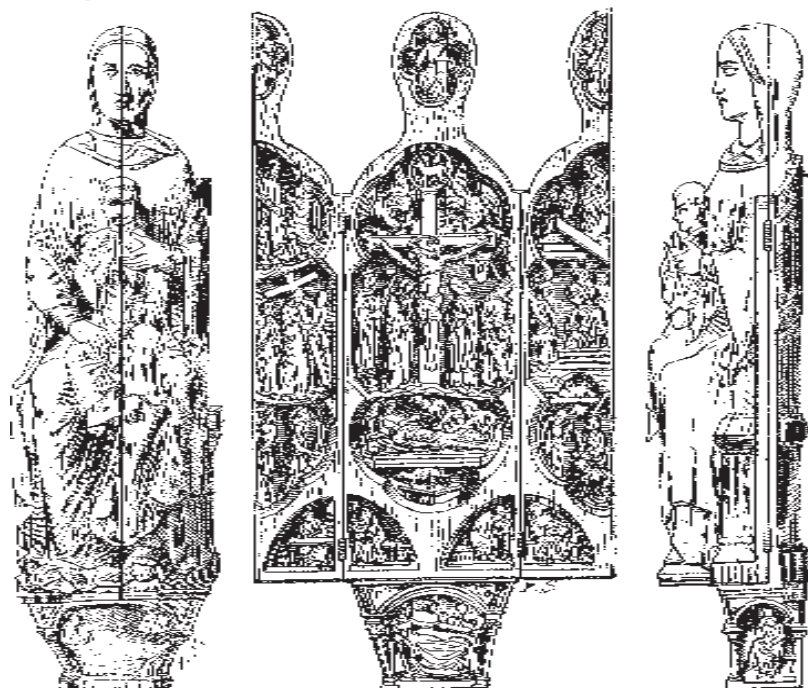
того захотели, можно понять, до чего могло возрасти высокомерие сословия, которому весь мир приписывал особую, мало понятную обыкновенному человеку, таинственную и потому еще более подавляющую власть. Среди монахов, окружавших архиепископа *Бременского Адальберта*, лелеявшего честолюбивую мечту об учреждении северного патриархата, выделялся архиепископ *Кёльнский Анно*, вышедший из низов, но пробивший себе дорогу природной энергией. Движимый честолюбием, он не хотел довольствоваться тем, чем утоляли свою жажду богатства и власти посредственные люди. Он полагал,

возможно справедливо, что сумеет вести дела лучше, нежели стоявшее у кормила правительство. Находясь во главе немецкого епископата, он небезосновательно страшился новоримского направления, из-за влияния которого на Латеранский собор 1059 г. не был вызван ни один из немецких епископов. Он втайне сошелся с князьями, среди которых находился и пользовавшийся большим расположением императрицы *Оттон Нордхаймский*, знатный саксонец, только что получивший в лен герцогство Баварию (1061 г.). Вероломный замысел был приведен в исполнение на пасху 1062 г. на острове Кайзерверт, в монастыре святого Суитберта, где проживала императрица со своим сыном. Заговорщики заманили 12-летнего мальчика под предлогом катания на борт расцвеченного флагами судна, уже подготовленного ими на Рейне, и повезли его вверх по реке, в Кёльн. Рассказывают, что ребенок, заметив умысел, бросился в воду, надеясь доплыть до берега, на котором собралась толпа, но один из заговорщиков вытащил его из воды. Преступная проделка удалась: образовалось новое правительство, при котором делами сообща заведовали все епископы, чувствовавшие себя властителями мира. Распоряжался же всем архиепископ Кёльнский. Он привлёк к государственному управлению сначала архиепископа Майнцкого Зигфрида, а потом архиепископа Бременского, проникнутого честолюбием не менее сильным, хотя и другого оттенка. Это был человек необычайно даровитый, высокого происхождения, с блестящей внешностью, плавной речью, обширными помыслами, но при этом, несмотря на пышность, которой он любил себя окружать, столь же строгого поведения, как и Анно. Он не уступал ему ни в страстности, ни во властолюбии. Оба заботились о чести и блеске своих епархий согласно взглядам церковных князей того времени. Особенно между высшими клириками развилось местничество. В Духов день 1063 г. в присутствии молодого короля вследствие спора о первенстве между епископом Хильдесхаймским Гезилоном и аббатом Видерадом Фульдским соборная церковь в Госларе превратилась в арену ожесточенной и кровопролитной схватки между подчиненными споривших духовных сановников. Анно награждал своих родственников и

Церковные принадлежности XI–XII вв.
(футляр для креста и крест).

приверженцев с бесстыднейшим nepотизмом, раздавая им государственное добро, и заместил все высшие церковные должности своими сторонниками. Новое правительство могло похвалиться лишь некоторыми внешними успехами. В 1063 г. счастливо закончился поход в Венгрию под предводительством Оттона Нордхаймского, и Соломон, сын короля Андрея, низвергнутого в 1060 г., был возведен на престол и коронован в Секешфехерваре в присутствии молодого короля, его свояка.

Переносной алтарь XI–XII вв.

Анно и
Адальберт
Бременс-
кий.

Церковная схизма продолжалась. В это время римский папа Александр II еще боролся с ломбардским папой Кадалом, или *Гонорием II*. В течение некоторого времени Рим разделился на две половины, его улицы стали местом ожесточенных побоищ между партиями. Немецкий двор, к которому вернулась императрица в июне 1064 г., был в нерешительности. Великие германские князья, как и Анно, сознавали опасность, грозившую им от неограниченных притязаний партии Гильдебранда. Такое положение заставило Анно решиться на важную меру: вступив в соглашение с честнейшими членами реформенной партии, каким был, например, строгий *Петр Дамиани*, он настоял на созыве в Мантуе собора, на котором следовало разрешить вопрос о схизме, и сам отправился на этот съезд. Но это путешествие оказалось ги-

бельным для его авторитета. Архиепископ Адальберт, искренно преданный делу монархии и более снисходительный опекун, нежели Анно, давно оттеснил его от юного Генриха. Собор без особых пререканий вновь признал папой Александра II, осудив Кадала, но Анно, вернувшись, уже был отстранен на второй план. Его падение довершилось, когда 15-летний король принял в Вормсе меч, вместе с чем прекратилась опека: верховенство Анно закончилось. Императрица, уже несколько лет носившая монашескую одежду, могла теперь последовать своему влечению к монастырской жизни. Первым советником 15-летнего короля остался Адальберт.

Не прошло и года, как Адальберта настолько возненавидели все князья, что подобное положение могло закончиться лишь его насильственным устранением. Он сумел расстроить своевременную поездку короля в Рим. Лястя молодому королю, не предостерегая его от распутства и заблуждений молодости, он пользовался королевским именем для личных целей, к которым страстно стремился. Особое недовольство возбуждалось алчностью, с которой Адальберт захватил несколько богатых аббатств. Злейшим его врагом был герцог Бернхард Саксонский, поклявшийся, что, пока жив он или один из его сыновей, архиепископ не увидит ни одного спокойного дня в своей бремениской епархии. Вокруг Анно быстро собрались сторонники, и он считал, что его час снова настал. Майнцский архиепископ Зигфрид, герцог Оттон Баварский, Бертольд Каринтийский и *герцог Швабский Рудольф фон Рейнфельден*, еще недавно незаметный молодой человек, пока благоволившая к нему императрица Агнесса не выбрала его в супруги своей дочери Матильды и не пожаловала ему герцогства, восстали против архиепископа, короля и их планов. Заговор привели в исполнение на рейхстаге, созванном королем в Трибуре. Несколько созрел план, видно из той дерзости, с которой заговорщики предложили молодому королю на выбор: отстранить архиепископа или самому быть низложенным. Адальберт потерпел страшное поражение: король вынужден был отказаться от него, а когда он вернулся в свою епархию, на него накинлись многочисленные враги. Его друг, ободритский князь Готшалк, был убит. Во всей вендской земле снова восторжествовало язычество. Он вынужден был помириться с Биллунгами, и несправедно накопленные в его обители богатства быстро сократились. Король попал теперь под суровую опеку князей, принявших власть в свои руки.

Падение
Адаль-
берта.

Генрих возбудил негодование распутной жизнью, которой он предавался вместе с молодыми людьми, его приближенными. Эти люди захватили власть и правили по-своему, не признавая притязаний высшей аристократии. Князья заставили его вступить в брак с дочерью маркграфини Туринской, с которой он был помолвлен еще в детстве (1066 г.). Он покорился тому, чего не мог избежать, но отдалился от супруги. В сущности новое правительство было не лучше прежнего: оно не пользовалось обстоятельствами в Италии, где партию папы теснили ею же самой вызванные норманны, и она тщетно обращалась со слезными призывами к королю. Был предпринят только один счастливый поход (1069 г.) против лютичей, при котором король выказал несомненные боевые способности. По возвращении он умело подавил восстание в Тюрин-

Король
и князья.

гии, но положение его вновь ухудшилось, поскольку он более всего старался отделаться от навязанной ему жены. Это привело его к столкновению не только с могущественными князьями, но и с папой. Он подчинился строгим настояниям папского легата Петра Дамиани, которого можно отнести к числу немногих прямодушных людей того времени. Супружеские отношения улучшились также вследствие того, что *Берта* своими женскими добродетелями и верностью долгу сумела наконец победить нерасположение мужа. При этом порядки, которые в Риме клеймили именем симонии и николаизма, продолжали существовать. На пасхе 1070 г. знатнейшие германские епископы: Майнцский, Кёльнский и Вюрцбургский, следовательно, и сам грозный Анно, получили приглашение явиться в Рим для оправдания возводимого на них обвинения в симонии. Но было ясно, что при сосредоточении власти в руках сильнейших епископов раздача духовных мест за деньги или в целях мирской политики получит широкое распространение.

Оттон
Нордхай-
мский.

С годами яснее сознавая свое королевское достоинство, Генрих стал сильно тяготиться путами, наложенными на него княжеской аристократией, главарей которой руководствовались лишь личными побуждениями. От одного из этих противников, виновных во всех интригах и поворотах политики того времени, герцога Лотарингского Готфрида, его избавила смерть. Сын его Готфрид, по прозвищу Горбатый, был женат на *Матильде*, дочери королевской мачехи Беатрисы от ее первого брака с Бонифацием, маркграфом Тосканским, и оставался верным сторонником короля. Против другого, еще более беспокойного врага, герцога Баварского *Оттона Нордхаймского*, Генрих возбудил обвинение в государственной измене. Дело было темное, и Генрих прибег к самым недостойным мерам: поскольку Оттон отказался от предложенного судебного поединка, король добился от саксонского княжеского суда обвинительного приговора, по которому Оттон признавался недостойным своего герцогства. Молодой Вельф, сын маркграфа Альберто Адзо д'Эсте, не постеснялся принять эту герцогскую корону, хотя был женат на одной из дочерей изгнанного Оттона. Оттон, необыкновенный силач и прирожденный боевой вождь, решил воевать, но не смог устоять против короля, все более обнаруживавшего свои воинские способности. Он покорился и в 1071 г. получил обратно свои аллодиальные владения. Король остался победителем. Анно, сообщником которого в государственном перевороте некогда был тот же Оттон, удался в монастырь.

Правле-
ние ко-
роля.

В падении Оттона был замешан один из Биллунгов, герцог Саксонский Магнус, внук Бернхарда, и Генрих, желая упрочить свою победу, особенно хотел обуздать Саксонию. Еще его отец имел это намерение, стараясь достичь цели благоразумными политическими мерами, но двадцатилетний король, следуя внушениям своей пылкой, своенравной натуры и советам тех лиц, которые составляли его кабинет, стал действовать тиранически. Он распоряжался в стране по-военному: заложил укрепленные города, снабдил их гарнизоном; в особенно сильную крепость он превратил *Харцбург*, лежавший в одной миле от Гослара. Имперские князья были отстранены в пользу фаворитов или сами злобно держались в стороне. Ненавистный всем и снова на-

чавший наводить страх архиепископ Бременский становился могущественным не менее прежнего. Он завязал отношения с датским королем Свеном Эстридсеном. Эти переговоры были направлены против Биллунгов или истолковывались в таком смысле. На востоке, в Венгрии, молодой король действительно сумел утвердить значение немецкого монархического начала. Но оппозиция усиливалась, и когда в марте 1072 г. умер Адальберт, настолько занятый своими честолюбивыми планами, что не успел вовремя выполнить над собой требуемого церковью смертного обряда, Генрих был вынужден, или, быть может, разумно счел за лучшее снова вызвать из монастыря престарелого Анно и поручить ему руководство делами. Он помирился со свояком, герцогом Швабским Рудольфом, хотя вряд ли всерьез, потому что неуклонно продолжал выполнять свои планы. Оттон Нордхаймский был освобожден из заключения, но с Магнусом Биллунгом поступили иначе: одновременно с Адальбертом умер отец Магнуса, герцог Ордульф, и король предложил сыну купить освобождение ценой отречения от герцогства. После этого Анно вновь удалился, а король продолжал действовать по своему усмотрению. В противоположность прежним государям, управлявшим страной при переездах из замка в замок, он намеревался устроить постоянную резиденцию в Госларе, обезопасив область как от славян, так и от самой независимой части немецкой аристократии — саксонской знати. С этой целью он окружил себя войском из надежных, большей частью аламаннских солдат, найдя нескольких неразборчивых исполнителей из южногерманского дворянства, среди которых особенно выделялся граф Эберхард фон Нелленбург. Король задумал поход против поляков, король которых Болеслав II напал на Венгрию и Чехию, но в саксонских землях распространилось убеждение, что собираемое королем войско предназначено для порабощения *Саксонии*, что естественно вызвало обострение недовольства и в июне 1073 г. тлевший повсюду огонь вспыхнул открытым ожесточенным восстанием.

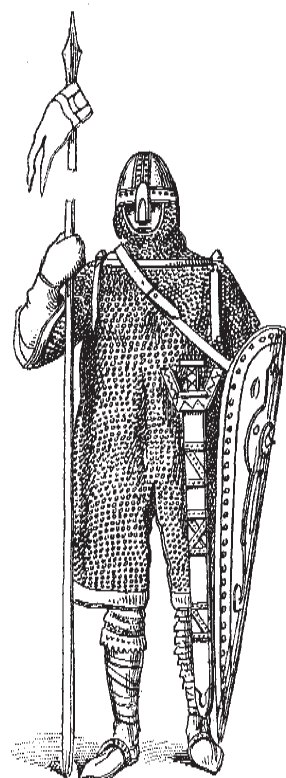
Для выступления в польский поход, вызвавший вооружение всей Южной Германии, король созвал в Гослар саксонских князей. Но когда они прибыли, он тайно уехал в укрепленный им Харцбург. Быть может, он имел на то основание, потому что сразу после этого восстала вся Саксония от дворян до крестьян с целью отвоевать старинную свободу и старинные права саксонцев. Во главе восстания стоял Оттон Нордхаймский. Когда король, рассчитывавший на подкрепление войсками с юга, вступил в переговоры, Оттон от имени Саксонии выдвинул неперемное условие — срыть заложенные крепости. С этим связывалась полная перемена правительственной системы, удаление советников короля, привлечение имперских князей к участию в управлении и освобождение герцога Магнуса. Силы восставших возрастали, а король не получал помощи. Он решил спастись бегством от грозившей ему гибели, скрылся в густой лес и благополучно достиг дружественной земли. Отдохнув в Герсфельде, он начал стягивать войска, между тем как Харцбург все еще находился в осаде, и саксонское восстание распространилось на тюрингские области. Генрих пошел на уступки: он послал в Харцбург повеление освободить Магнуса и постарался поставить восставших в ложное положение. Действительно,

**Восста-
ние в
Саксо-
нии.
1073 г.**

при переговорах, происходивших в Корвее, а потом в Вюрцбурге в присутствии самого короля, саксонцы выставили себя в самом невыгодном свете непомерностью притязаний. Но немецкие князья того времени не могли обойтись без вероломства. При дальнейшем ходе переговоров, которые велись в

Герстунгене между королевскими комиссарами и саксонскими князьями, прибывшими туда с войском, было заключено тайное соглашение, направленное к низложению короля и назначению ему преемника. Уполномоченные короля вернулись к нему с подложным соглашением, которое Генрих не поколебался одобрить. В то же время своим чередом продолжалась позорная борьба посредством интриг и доносов. Нашелся даже какой-то негодяй, заявлявший, что король предлагал ему огромные деньги за убийство непокорных князей Рудольфа Швабского и Бертольда Каринтийского.

Чувствуя под собой ненадежную почву, Генрих вернулся на Рейн, в старую отчину своего дома, и нашел опору в городах, издавна недовольных епископским управлением и видевших в сильной королевской власти единственный оплот порядка, в котором нуждались развивавшиеся торговля и промышленность. Это движение, открывшее дорогу многому, было особенно сильно в Вормсе: жители прогнали своего епископа и восторженно встретили короля, ловко воспользовавшегося обстоятельствами. Он сумел, выказывая сожаление, если не безусловно склонить на свою сторону северных князей, то хотя бы заставить их колебаться. Характерная для своего времени главная уступка, сделанная князьями королю при переговорах в Оппенгейме, состояла в том, что королю предоставлялось право опровергнуть вышеупомянутое обвинение в покушении на убийство посредством судебного поединка между кем-нибудь из его приверженцев и обвинителем. Поединок не состоялся, но Генрих снова прибег к военным действиям, потому что саксонские князья не слагали оружия, хотя уже и не ратовали за правое дело. Наконец они решились объявить свои условия, и король согласился на них, несмотря на их тягость, поскольку чувствовал себя окруженным ненадежными людьми.

Генрих
на Рейне.

Воин XI в. Реконструкция XIX в. из Музея артиллерии в Париже.

Шлем на войне каркасного типа с наносником; доспех относится к т. н. типу «мой-плен», состоит из металлических бляшек круглой, шести-гранной или другой формы, нашитых на кожу или холст.

Он на время избежал крайнего унижения: быть низложенным по приговору суда князей или рейхстага. Без сомнения, опасность устранилась лишь частично; тем не менее его уступчивость была благоразумной. Положение противников было чревато тайными бедами, которые вскоре и обнаружались,

Мир
1074 г.

и прежде всего при срытии крепостей. Когда приступили к разрушению ненавистного Харцбурга, саксонские крестьяне кинулись на него с языческой яростью, нарушая заключенный договор. Не оставив камня на камне, снеся даже церковь, они не пощадили гробниц, реликвий и мощей. Оказалось, князья сняли узду со стихии, которая при известных обстоятельствах могла стать для них опасной и, во всяком случае, достаточно усложняла дело. Пример Вормса нашел подражание и в Кёльне. Служители архиепископа Анно грубо потребовали баржу для перевоза духовного сановника, гостившего у архиепископа, на другую сторону Рейна. Сын владельца судна воспротивился этому, и за спором последовал взрыв уже издавна подготовленного негодования. По крайней мере, многие утверждали, что при штурме толпой архиепископского дворца перед «неразумным народом» бежал отец всякого зла — сам дьявол в шлеме и панцире, размахивавший сверкавшим мечом и бившийся впереди всех. Архиепископ скрылся в соборе и бежал из города, пока толпа грабила его дворец и опустошала его погреба. Но вскоре он вернулся, созвав войска, и с жестокостью оскорбленной прелатской гордыни расправился с ними. Однако положение было шатким и требовало королевского вмешательства. Генрих лично прибыл в Кёльн, и его дела улучшились. Он смог предпринять еще один поход в Венгрию в том же году, но это еще не привело его к цели. В октябре 1074 г. он возвратился в Вормс.

Генрих не захотел слушать извинений саксонских князей по поводу ужасов, происходивших в Харцбурге, и ловко повернул дело, испрашивая у папы помощи против осквернителей святыни. Его власть на юге Германии была восстановлена. Положение в Венгрии оправдывало новые вооружения. В Саксонии между князьями господствовало несогласие, и глубокое недоверие разъединяло плебейские элементы восстания с аристократическими — крестьян с дворянством. Король уверенно выступил в поход весной 1075 г., между тем как в Саксонии распространялось уныние. При *Хомбурге-на-Унструте*, в июне, королевские войска, при которых, кроме самого короля, находился и его свояк Рудольф, врасплох напали на саксонцев. Предводительство и храбрость Оттона Нордхаймского на этот раз не помогли. Победа осталась за королем, и преследуемая неприятельская армия распалась. Королевские войска опустошили всю Тюрингию, которую подвергнул отлучению от церкви архиепископ Майнцский Зигфрид, находившийся теперь на стороне короля. Коалиция была уничтожена, и мя-

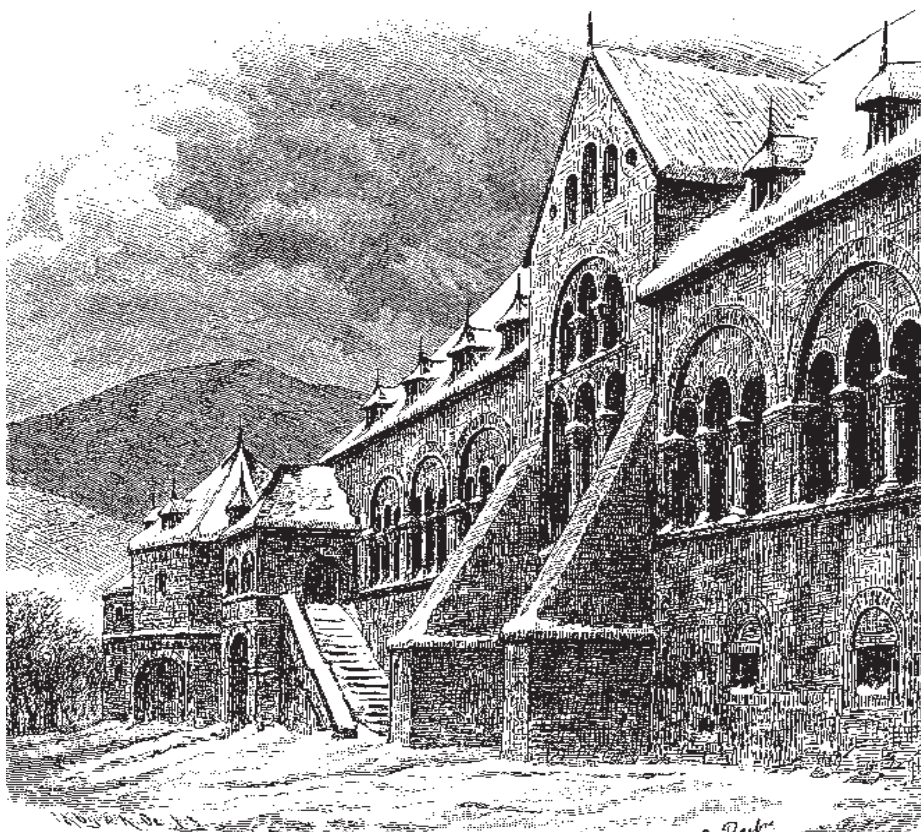

Новая война.

Воин начала XII в.
Реконструкция XIX в. из
Музея артиллерии в
Париже.

На воине полузакрытый шлем переходного типа; длинная кольчуга с разрезом спереди и сзади; в руках большой щит, расписанный геральдическими фигурами, и рог.

тежные властители один за другим заключили мир с королем. Однажды главари восстания попытались возобновить войну, но крестьяне теперь настойчиво требовали мира. В октябре 1075 г. близ Зондерсхаузена последовало изъятие безусловной покорности. Между выстроившимися шеренгами королев-

Императорский дворец в Госларе.

Построен Генрихом III (заложен, возможно, Генрихом II). Место рождения и любимая резиденция Генриха IV. Здесь неоднократно проводились рейхстаги.

ских войск потянулась цепочка побежденных, саксонских и тюрингских властителей, по направлению к возвышенности при Спирахе (Шпире), где их ожидал король. Победа была полная. Спустя 6 недель умер и Анно Кёльнский.

Так Генрих добыл или упрочил трудной войной свое королевское положение в немецких землях. Теперь на его стороне были и немецкие епископы, возмущавшиеся против безмерных притязаний курии и введения безбрачия в духовенстве. Генрих избрал своей резиденцией Гослар, где многочислен-

Подчинение князей.

ные князья признали наследственные права его сына *Конрада* (рождество 1075 г.). Казалось, что ему нетрудно получить императорский титул, равно как и утвердить за ним церковные права, которыми пользовался его отец, поскольку сам папа прислал Генриху поздравления по случаю победы над саксонцами.

В 1073 г. умер папа Александр II. Немецкое влияние в Италии в последние годы ослабло, между тем как римский престол был средоточием всяких политических осложнений и борьбы и умел всюду распространить свое влияние. При последних папах руководителем их политики был Гильдебранд, занимавший самое выгодное положение, какое может выпасть на долю энергичного государственного деятеля: внешне он был второстепенным лицом, а в действительности — первым. Ему шел 50-й год. С виду Гильдебранд был невзрачен, мал ростом. Он происходил из народа, его отец владел небольшой крестьянской усадьбой около одного тосканского городка. Своим дядей с материнской стороны он был помещен в один из римских монастырей, где господствовали клюнийские воззрения, и остался истым монахом даже после того, как узнал весь ход мирских дел в его различных проявлениях, изучил всякие личности и их отношения. Начав заниматься делами, он быстро возвысился. Уже Григорий VI питал к нему безграничное доверие. Деловитость Гильдебранда не уступала его ловкости. При высоких идеальных воззрениях он обнаруживал большую практическую сметливость, способность вникать в подробности, в прозаическую часть дела, например, финансовую, и благодаря такому редкому в людях соединению внешне противоположных качеств, в сущности составляющих тайну человеческого величия, он подчинял себе самые различные характеры. Он демонстрировал пышность высокого духовного сана, где находил это нужным. Суровый аскет Петр Дамиани неодобрительно смотрел на этот блеск, однако и он не решался прямо высказывать свое осуждение, как и другие, подчиняясь обаянию его превосходящего ума. И он был прав: честолюбие Григория VII было направлено не на внешние цели. Это было справедливое, естественное и необходимое честолюбие человека выдающегося, чувствующего потребность отдать свои силы служению глубокому убеждению, на пользу дела, которое, как это всегда бывает у всеобъемлющих натур, невольно отождествлялось в нем с собственной личностью. Делом этим было главенство церкви, и он как сын своего времени, как итальянец, не мог согласиться на осуществление этой идеи в виде медленного прогресса в течение веков, но представлял ее себе в готовой форме, создание которой было его правом, превосходящим все прочие, правом безусловным, неоспоримым, божественным и возложенным на него. Вероятно, он не стремился к папскому престолу, предпочитая свое выгодное положение — быть первым слугой всякого папы, властвуя над ним. Однако, прежде чем кардиналы успели собраться, чтобы избрать нового папу, шумная народная толпа провозгласила Гильдебранда. Последовавшее затем избрание его кардинальской коллегией состоялось лишь для вида. В уважение к памяти своего благодетеля, Григория VI, — хотя такое чувство, делая честь Гильдебранду, сомнительно ввиду его строгого антисимонизма, — он принял имя *Григория VII* (1073 г.).

Италия.
Избрание
Григория
VII.

Григорий и Генрих.

Избрание Гильдебранда произвело большое впечатление. Было ясно, чего можно ожидать от нового папы, и потому одни впали в уныние, другие возликовали. Он не торопился с определением своих отношений к германскому королю. Необходимые заявления по этому поводу должно было сделать посольство, вскоре направленное к немецкому двору, а положение дел вынуждало короля Генриха состоять в дружбе с представителем церковной идеи, поскольку эта

Инвеститура епископа королем.

С миниатюры из рукописи X в. Сент-Омерская библиотека.

идея служила ему оружием против саксонских мятежников. Между тем, Григорий утвердил свою власть в Риме и Италии и принял строгие меры против симонии и брака священнослужителей. На соборе в Риме в феврале 1075 г. прежние указы были ужесточены, причем папа впервые посягнул на интересы короля и сферу его власти, объявив подлежащими отлучению пятерых советников короля в случае их неявки в Рим в течение назначенного краткого срока для ответа перед церковью в грехе симонии. Величие Григория способствовала беззаветная смелость, которой он отличался, когда чувствовал себя правым; тогда он расточал угрозы, отлучения, кары и низложения во все стороны. Самым важным результатом римского собора было принятие основного правила, которое в корне поражаало симонию: *духовным лицам возбранялось получать какие-либо места от мирских властей*. Так же мирянину, который решился бы определить духовное лицо на такое место, воспрещался вход в церковь до отмены незаконного распоряжения.

Спор об инвеститурах. Латинские указы.

Это касалось так называемых *инвеститур*, при которых прежде соблюдался такой обряд: король передавал назначенному им или иначе избранному аббату или епископу перстень и посох. Этим он вводил его во владение леном, приписанным к епархии или аббатству, принимая тем самым от этого ленника вассальную присягу. Без такой инвеституры вступление в духовную должность было немыслимо, зато возможно было занять ее помимо всякого избирательного акта, который, впрочем, легко было составить по королевскому соизволению. Мера, принимаемая теперь Григорием, представляла собой огромный переворот и была нереальной. Светские властители не

могли отказаться от права связать передачу лена с условиями, от которых зависело их собственное положение. С другой стороны, церковь не в состоянии была отказаться от пользования ленами, дававшими доход епархиям и аббатствам. Но об этом отказе не было и речи; папа заботился лишь о проведении принципа безусловной независимости духовенства от любой мирской власти. Если бы этот принцип был признан, Григорий, без всякого сомнения, при своем умении принаравливать ко всем ситуациям, сумел бы и тут в каждом отдельном случае не входить в противоречие с реальными требованиями жизни. Он и теперь не настаивал на непосредственном применении этого указа, давая понять, что хочет еще о нем переговорить с Генрихом.

Прочих его распоряжений было достаточно, чтобы возмутить всех противников церковных реформ в Ломбардии и Германии. В Милане при начавшихся беспорядках был убит вождь партии папистов, и большинство ломбардских епископов собралось под хоругви святого Амвросия, явно восстав против Рима. В самом Риме вспыхнул мятеж. В ночь на Рождество 1075 г. вожак тускуланской партии Ченчи напал на Григория во время богослужения и с помощью своей шайки, ворвавшейся в церковь, потащил его в свою башню около Пантеона. Вскоре собравшийся народ, привлеченный слухом о том, что убили папу, который действительно был ранен во время свалки, освободил Григория силой. Ченчи бежал. В это время произошел разрыв папы с Генрихом, обратившим так же мало внимания на отлучение от церкви членов его совета, как и на отмену мирской инвеституры. Несмотря на свой ум, он преувеличивал свое могущество и придавал слишком малое значение могуществу папы. Однако не произошло ничего, что могло бы отнять всякую надежду на соглашение, и переписка между папой и королем не утратила дружественного характера. Но в декабре 1075 г., отправляя к королевскому двору посла со сравнительно любезным письмом, Григорий поручил ему поставить королю на вид его антицерковный образ действий, снова потребовать отставки отлученных от церкви советников и назначить ему срок, по истечении которого, в случае неудовлетворения королем требований церкви, он сам мог быть исключен из числа верующих. Король по своей молодости, по горячности натуры и в упоении еще недавно одержанной победы над опасным союзом князей, пришел в ярость. До этого он не был врагом идеи реформ, но теперь тотчас же перешел на противную сторону. Папские послы были высланы из придворной резиденции в Госларе, и тотчас же по всем направлениям были отправлены королевские гонцы с целью созвать всех епископов и аббатов на национальный собор в Вормсе,

Разрыв с
королем
Генрихом.
1075 г.

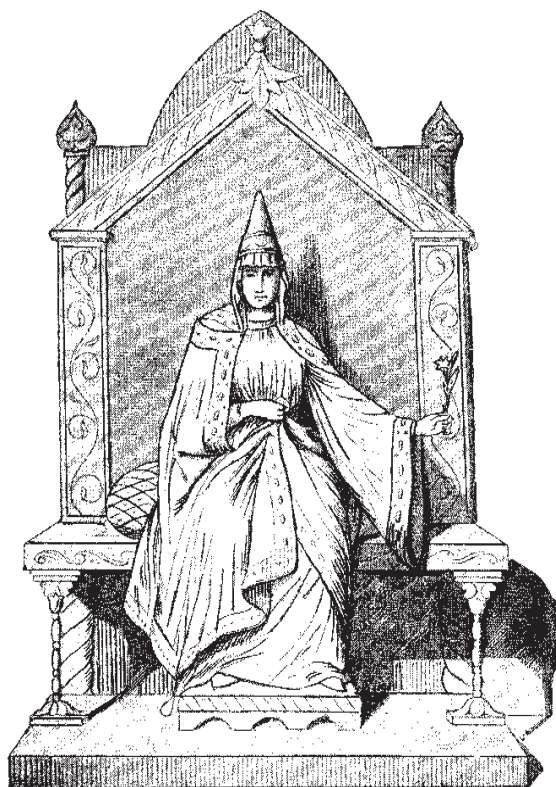
Королевская печать Генриха IV.

Надпись по кругу:
«+HEINRICVS D(e)I GRA(tia) REX».

который состоялся в январе 1076 г. в кафедральной церкви этого города. Не было недостатка в нелепых обвинениях и клеветах; все это было пущено в ход с обеих сторон. Основательнее прочего было обвинение Григория в том, что его избрание совершилось неправильно и было незаконно. Вследствие этого он больше не признавался папой; лишь некоторые присутствовавшие усомнились, большинство же подписало такое решение. Королевское послание, включавшее это постановление собора, начиналось так:

«Генрих, король Божьей волей, а не захватом, Гильдебранду, более не папе, а лживому монаху...» И в конце: «Я, Генрих, король Божьей милостью, купно со всеми нашими епископами говорю тебе: сойди с престола, сойди!»

Григорий, действительно, поступил слишком смело из-за преобладающей численности немецкого духовенства. Ломбардские епископы на соборе в Пьяченце примкнули к решению вормского собора. Но шаг, сделанный Григорием, был из тех, которые не допускают отступления, и папа твердо решил идти до конца. Обычный великопостный собор происходил в Латеране в феврале 1076 г. Королевские послы прибыли с грамотой Генриха, и бывший во главе их имел дерзость начать читать ее при всем собрании епископов из Южной и Северной Италии, Франции и Бургундии. Поднялся страшный шум, и смельчак

Отлучение
короля.

Маркграфиня Матильда Тосканская.
Рукопись XI в. Лондон. Национальная библиотека.

был бы убит, если бы его не защитил сам папа. На следующий день королю был нанесен ответный удар. В форме молитвы, обращенной к святому Петру, Григорий VII изгонял Генриха из церковной паствы, лишал его монарших прав над Германией и Италией и в силу дарованного Богом святому Петру полномочия «вязать и решать» снимал со всех христиан присягу на верность Генриху. Папа закончил словами Писания (Матф. 16, 18): «Ты Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». Эти слова, простой

первоначальный смысл которых был недоступен народу, приобретали страшное значение в устах смелого человека, произносящего их при таком торжественном случае. Они указывали на крайнюю степень развития самовластия, когда любая расправа на земле, единственное истинное верховенство и безусловность приговоров принадлежит одному человеку, в котором по увлечению или в силу неправильно истолкованного права свет видит представителя Христа или даже Божьего наместника. Отлучение, которым папы и прежде грозили светским властителям, пало теперь на первого из них, о чем во все государства сообщили папскими посланиями. Это был удар, от которого содрогнулся мир. Началась борьба между двумя самыми могущественными силами, — и как ни зыбко было понятие о справедливости в ту эпоху, возникший конфликт глубоко потряс многие умы. Как же могли существовать правовые отношения, если разрешалось нарушить вассальную присягу?

Король узнал о решении собора, находясь в Утрехте. Он считал победу одержанной после вормских постановлений и намеревался собрать дань с усмирённых саксонских мятежников. Гневу его не было предела, и тотчас нашёлся епископ — Вильгельм Утрехтский, который произнес анафему над Гильдебрандом. Но обосновать ее формально можно было только на соборе, который в скором времени должен был собраться в Вормсе. Вскоре стало известно, что ломбардские епископы в Павии произнесли анафему против Гильдебранда. Но Григорий знал свет и свое могущество лучше, чем король свое. Он учел необходимость усиления своего политического значения до наступления военных действий. В сочувствии римского народа он теперь был уверен и потешил чернь, круто обойдясь с королевскими послами. Он счел нужным войти в соглашение с Робертом Гискардом и его норманнами, с которыми постоянно возникали споры. Он нашел близкую и надежную союзницу в лице *Матильды, маркграфини Тосканской*, считавшей величайшей честью быть верной служанкой святого Петра. Но, как ему было известно, у него были союзники и в Германии. Ключинское учение распространилось и здесь; многие из немецких епископов склонились на его сторону: одни из искреннего сочувствия к взглядам папы, другие из расчета или потому, что их противники стояли за короля. Были и такие, которые не высказывались, а выжидали или позволяли себя уговорить. Особенно на стороне папы было монастырское духовенство, поскольку он ратовал за их идею. Такое настроение господствовало и среди князей; хотя папа не мог еще открыто рассчитывать на них, но был в них уверен. Это положение скоро определилось: собор в Вормсе оказался столь малолюдным, что для принятия решительных мер необходимо было созвать новый, в Майнце. Мецский епископ Герман открыто перешел на сторону папы и выпустил на свободу саксонских дворян, отданных ему под стражу при последних смутах. В Саксонии тотчас же разгорелся новый мятеж, и хотя на Майнцском соборе, привлечшем большее число, Григорий был отлучен, однако Генрих сам счел за лучшее освободить дворян, заточенных им после последнего возмущения. Взятая с них клятва не давала ничего, поскольку нарушение присяги королю было теперь выражением покорности церкви, следовательно — делом достойным.

Свержение папы.

Заговор
князей.
Сейм в
Трибуре.
1076 г.

В том же 1076 г. счастье совсем изменило королю. Во время неудачного похода в Саксонию его северогерманские враги соединились и вступили в союз с папой, изображавшим теперь большую умеренность и пользовавшимся выгодами своего положения. Оттон Нордхаймский, долгое время бывший в доверии у короля, опять перешел на противную сторону. Герцоги Швабский, Баварский и Каринтийский вместе со многими другими князьями и епископами собрались в Ульме и назначили на октябрь того же года общий княжеский съезд в Трибуре с целью восстановить спокойствие в государстве и церкви. Это собрание было достаточно многочисленным; на нем преобладали противники короля, старательно демонстрировавшие свою приверженность папству. Как было уже давно известно, они добивались низложения короля. Это нелегко было выполнить: король с войском находился на другом, левом берегу Рейна. Но он пал духом и готов был пойти на все, что принесло бы спокойствие в будущем. Однако резкое решение собрания было недостаточным, потому что помимо акта о низложении надо было выбрать другого короля, а на этот счет у собравшихся не было единого мнения. Притом, хотя очень немногие колебались перед полуизменой, на ее полное совершение у них не хватало духа. Колебался и сам папа. Как ни предан он был идее всемогущества церкви, однако не был глух и к понятию о праве, и ему представлялся еще нерешенным вопрос, возможно ли осуществить какие-либо великие идеи с помощью этих князей и епископов, руководимых одной личной выгодой, да еще при короле, избранном ими, следовательно, бессильном.

Князья
и Григорий VII.

Таким образом, все закончилось тем, что посредничество принял на себя клюнийский аббат Гуго, бывший восприемник короля от купели. Король должен был испросить у папы снятие отлучения, на что ему давался срок до 22 февраля следующего года. Если ему это не удастся, он лишится престола навсегда. 2 февраля должен был состояться княжеский съезд в *Аугсбурге*, на который папа приглашался для произнесения своего приговора. Смысл такого постановления заключался в подчинении германской короны третейскому суду римского первосвященника. Любая самостоятельная правительственная мера была запрещена королю, как и возложение на себя всех внешних признаков королевского сана до тех пор, пока с него не будет снято отлучение. Именно этот момент был наиболее унижительным для Германии. Добровольно, без всякой нужды, из побуждений, не вполне чистых ни у кого, а у многих и очень нечистых, княжеский съезд избрал папу судьей и вершителем германских судеб. Князья желали низложения короля, но не осмелились, а Григорий не мог рассчитывать на то, что было преподнесено ему духовной и мирской аристократией. Краеугольный камень его теории, по которой светская власть должна была следовать из духовной, сохранявшей за собой право давать и отнимать по своему усмотрению, — этот камень был твердо заложен в Германии на Аугсбургском съезде. Молчаливо подразумевалось при этом, что король не получит папского прощения до нового съезда в Аугсбурге. Удаляясь в Шпейер, Генрих видел, что его недоверчиво сторожат. Григорий со своей стороны поспешил уехать, уже наслаждаясь унижением многих приверженцев изгнанного короля, которые спешили через Альпы, чтобы лично от него полу-

чить отпущение грехов. В высокомерном послании, какими были все официальные извещения этого папы, проникнутые не то горделивым смирением, не то смиренным высокомерием, что унаследовало от него и позднейшее папство, Григорий возвещал о своем скором прибытии и был уже около Мантуи, когда ему стало известно, что Генрих направляется в Италию. Папа подумал, что он является с враждебными намерениями, хочет вынудить у него разрешение силой, и имел право предполагать это, потому что резко отклонил желание короля лично прибыть в Рим за прощением. В страхе папа бежал в замок *Каноссу* — самое надежное укрепление, принадлежавшее его вернейшей стороннице, маркграфине Матильде. Во всей Ломбардии, где Григория смертельно ненавидели, все были убеждены, что Генрих идет с целью наказать папу оружием за захват римского престола.

Но на этот раз проницательного, многоопытного Григория перехитрил молодой, 27-летний король. Напрасно князья, опасавшиеся его ума, связали его сетью всевозможных условий. Он видел самую суть, понимая, что ему не устоять перед соединенной силой папского проклятия и враждебности князей и что на аугсбургском съезде злоба последних заставит Григория высказаться против него, хотя бы тот и не захотел этого лично. Было необходимо разрушить этот союз врагов и отнять всякое значение у аугсбургского собрания. Весьма разумно и прозорливо он решил добиться отмены отлучения силой, но не силой оружия, а силой морального принуждения. Он выполнил этот план с изумительной энергией и последовательностью: скрылся из Шпейера и в необычайно холодную зиму 1076/77 г. перебрался через Альпы и Мон-Сени со своей супругой Бертой, которую уже научился ценить, и трехлетним сыном. Он не поколебался в своем решении даже тогда, когда при его вступлении в Ломбардию все противники папы: епископы, графы, капитаны и вассалы, — предложили ему свои услуги. Он продолжал свой путь. Папа видел, что его перехитрили, расстроили его планы, но не смог преградить дорогу грешнику, шедшему принести ему покаяние. Король с небольшой свитой подошел к крепости, в которой находились церковь и монастырь. Три дня он являлся в покаянной одежде, власянице и босой к воротам, прося о допущении. На второй день он простоял так с утра до вечера, между тем как клюнийский аббат Гуго и сама маркграфиня уговаривали папу, который лишь на третий день после горячего сопротивления сдался и уступил моральной необходимости. Ворота внутренней ограды открылись, папа принял церковное покаяние короля, снял с него отлучение, приобщил святых тайн вновь возвращенного в лоно церкви и отпустил его на другой день, даровав ему свое апостольское благословение. Однако отпустил не без условий: король дал обещание и теперь, получив отпущение грехов, оставаться верным слугой папы. В случае нарушения этого слова снятие церковного отлучения должно было считаться недействительным. Папа прикрывал таким условием свое поражение, но тем не менее оно оставалось фактом. По издавна укоренившемуся мнению знаменитая сцена в Каноссе свидетельствует только о полном унижении короля, о глубочайшем падении королевского права и величайшем торжестве папской власти. Действительно, она была торжеством папства в

**Событие
в Каноссе.
1077 г.**

Развалины Каносского замка. XIX в. Рисунок Ф. Преллера.

том смысле, что крупнейший из государей той эпохи смирился перед идеей церкви в лице главы этой церкви, признал себя виновным в грехе, принес покаяние по обряду, требуемому церковью, и получил отпущение от духовного лица, обязанностью которого было отпускать грехи кающимся грешникам. Но — и только. В целом, побежденным при Каноссе был папа Григорий VII, а победителем — Генрих IV. Принесение покаяния само по себе не налагало бесчестия: что совершил Генрих, как не то же, что некогда великий император Феодосий в Милане? И ломбардцы укоряли Генриха не за акт покаяния, а за то, что он принес его перед этим папой, их и его смертельным врагом. Но, получив отпущение, он снова становился королем, которому все были обязаны подчиняться в силу присяги и Божьего повеления. Аугсбургское собрание теперь стало бесцельным, и что бы ни задумал в дальнейшем папа, он выходил из своей духовной роли, терял ту почву, на которой был неуязвим, чтобы переступить в область, где право было уже не на его стороне. Прежде всего он нарушил свое, явное или тайное, соглашение с противниками короля, которые не могли отныне ему доверять. Недаром Григорий противился. Он имел основания усомниться в искренности королевского раскаяния и, возможно, не ошибался. Оно было столь же правдиво и неправдиво, как и поведение Григория, постоянно путавшего духовное с мирским и побежденного теперь собственным оружием в лице юного короля.

Это вскоре обнаружилось. Ломбардцы сначала негодовали на короля и при возвращении встретили его очень недружелюбно. Но он задержался здесь и скоро снова сошелся с ними. Тогда северо-германские радикалы из княжеской партии решили действовать открыто. Известие о прощении Генриха папой поразило их как громом; но, ошеломленные, смущенные новым поворотом, они довершили государственную измену. Собравшись в Форххайме в марте 1077 г. на княжеский съезд, на который пригласили и папу, они избрали королем *герцога Швабского Рудольфа*, королевского свояка, хотя собрание и не насчитывало полного кворума, например, епископов было всего 13. Избрание состоялось в присутствии папского легата, хотя и не с явного одобрения папы, который снова отказался отлучить Генриха и признать Рудольфа. Он все еще желал быть вершителем судеб германской короны. Новому королю пришлось покупать голоса в свою пользу дорогой ценой; коронавание совершал человек, привыкший перебегать от одного знамени к другому, — архиепископ Майнцский Зигфрид. Порядки при антикороле были не лучше, чем при Генрихе, насколько можно судить; но церковь и ее глава мало о том заботились. Началось страшное, продолжительное, гибельное междоусобие. Во главе княжеской партии с избранным ею бессильным королем стоял Оттон Нордхаймский, ее вождь как в совете, так и в поле. Силы были почти равны, но положение Генриха явно улучшилось: повсюду он находил приверженцев, даже с высоты кафедр раздавались голоса в его пользу. Сельское духовенство стояло за него, зная, что лишится и мест, и своих жен при торжестве церковного радикализма грегорианцев. Вокруг Генриха сплотились все, находившие свою выгоду в сохранении настоящего порядка. Вопросы о праве тщательно изучались и разъяснялись, но папа вел себя крайне двусмысленно, говоря о

Последствия.
Антикороль Рудольф.

двух королях; он не утвердил отлучения, которому его легат снова подверг Генриха. Папа особенно охотно приводил слова пророка: «Проклят, кто воздерживает свою руку от крови», — и кровь проливалась в достаточном количестве... Но за кого следовало проливать кровь, он не договаривал. Король Генрих в это время уже был противником, с которым приходилось считаться. Он был склонен к примирению, с большой почтительностью принял папских легатов в начале 1078 г., но не отложил при этом воинских приготовлений и выказал свои воинские способности в выгодном свете при действиях в поле. Рудольф выбрал своим местопребыванием *Гослар* в центре Саксонии, бывшей его главной опорой; Генрих оборонял важный *Вюрцбург* — ключ к верхней Германии. При новом походе саксонцев на этот город в августе 1078 г. произошла битва во Франконии при *Мельрихштадте*. Рудольф не стяжал в ней никаких лавров, однако победу никто не одержал, и война продолжалась с обоюдным ожесточением. Самой надежной опорой Рудольфа была ненависть саксонцев к Генриху. Со своей стороны Генрих создал в Швабии, собственном герцогстве Рудольфа, где тот никогда не был любим, опасного для него врага в лице *графа Бюренского и Штауфенского*, которого женил на своей единственной дочери Агнессе в 1080 г. В январе этого года произошло новое сражение при Фларххайме, около Мюльхаузена. В этот раз Рудольф и опаснейший из противников короля Оттон Нордхаймский одержали верх. Такие победы не имели решающего значения, и война продолжалась. В мае того же 1080 г. Григорий открыто стал на сторону Рудольфа и снова подверг отлучению законного короля. Из речи, произнесенной им по этому случаю на римском соборе, явствует, насколько горячность и безумное учение, признаваемое им или постепенно развившееся — о всемогуществе святого Петра и его преемников — отуманило ясный ум Григория VII. Отлучение теперь не произвело такого впечатления, как в первый раз. Противная папе партия привыкла смотреть на вещи спокойно, сознавая право. Большинство немецких епископов тоже понимало, в чем суть: борьба короля против папы и немецкой светской аристократии была и их делом. «Опасный человек, — говорили они про Григория, — хочет быть всемогущим и повелевать епископами, как своими мызниками». Вскоре созванный в Майнце собор низложил Григория и решил приступить к избранию нового папы. Это решение было поддержано другим, более многочисленным собранием мирской и духовной знати в Бриксене, где немецкие и ломбардские епископы остановили выбор на архиепископе Равеннском Виберте — человеке, внушавшем известное уважение даже врагам, — признание которого, впрочем, зависело не от его личных достоинств, правоты дела и убеждений, а только от хода войны.

Между-
усобица в
Германии.
Смерть
Рудольфа.
1080 г.

Григорий принял горячее участие в войне: он всюду искал союзников, и его легаты разъезжали по разным дворам. По свойству человеческой природы, и как это было почти неизбежно при подобной борьбе, он совершенно отбросил всякое различие между «духовным» и «мирским». При таких противодуховных стремлениях ему тоже пришлось испытать ряд разочарований. Самое горькое из них не заставило себя ждать. В октябре 1080 г. обе армии сошлись в окрестностях *Наумбурга* так близко, что столкновение между

ними стало неизбежным. Благодаря храбрости и искусным распоряжениям Оттона Нордхаймского паписты одержали полную победу. Возвратясь из погони за разбитым неприятелем, Оттон нашел весь саксонский лагерь в смятении: король лежал смертельно раненный в своей палатке, и не было никакой надежды на его спасение. Правая рука у него была отсечена, живот распорот копьем или мечом. В ту же ночь он скончался. Если когда-нибудь верующей массе казался ясным Божий суд, то это было теперь: была отсечена правая рука, которую Рудольф поднимал, присягая на верность королю. И если позднее рассказывали, что умиравший слагал на окружающих ответственность за свое избрание в короли, выражая раскаяние, и что всадили ему копье двое: верный королю племянник герцога, Готфрид Нижне-Лотарингский, и его преемник Готфрид Бульонский, которому предназначалась в будущем славная роль, — все эти рассказы только отражают первое впечатление от события.

*Отрубленная кисть руки Рудольфа Швабского.
Сакристия Мерзебургского собора.*

Значение Божьего приговора, смутившее партию святого Петра, которая увидела единственный результат битвы в этом приговоре, ободрившем приверженцев короля, еще более усилилось от самоуверенного пророчества папы Григория, предрекшего скорую смерть Генриха. Переговоры, начавшиеся после этого события в Германии, не привели ни к каким результатам. Все оставалось на военном положении, но дела Генриха улучшились настолько, что он задумал поход в Италию для решения вопроса. Мысль была хорошая: Григорий потерял многих сторонников; норманны и их вождь, «хитрец» Гискар, думали только о своих интересах, а не о церковных. Даже некоторые из васалов маркграфини отпали, и Генрих, обладая государственным умом и не уступая своему противнику в умении ставить других в неправое положение, очень разумно не выказал здесь ни малейшей непримиримости: он перешел Альпы с небольшими военными силами. Но все попытки склонить Григория к миру были тщетны. Никогда еще — было ли это в нем верой или сознанием своей силы — не выказывал он такой самонадеянности. Формула присяги, составленная им для того, кто будет избран на место Рудольфа, была безумием даже по понятиям того времени: он требовал, чтобы этот король присягнул ему, папе, в качестве вассала. Римский поход в мае 1081 г., предпринятый Генрихом с немногочисленным войском, был неудачен. Его прокламация к духовенству и народу не произвела никакого впечатления, хотя была составлена умно и умеренно. Его противники в Германии, ободренные такой неудачей, избрали нового короля в лице Германа Люксембурга. Коронацию опять совершал архиепископ Майнцский Зигфрид, но в Госларе, в Саксонии, в декабре 1081 г. Вспыхнувшая при этом в Германии новая междоусобица урав-

Генрих в
Италии.
Антипапа
Герман.

новесила положение в том смысле, что саксонцы не могли помочь папе, а сторонники Генриха — своему королю. Второй поход Генриха на Рим в марте 1082 г. опять был неудачным, но его войска осадили город, который, по видимому, не мог долго продержаться без выручки. В Германии смерть Оттона Нордхаймского, замечательнейшего из вождей своей партии, значительно ослабила наступательные действия Германа (1083 г.), и он отошел обратно в Саксонию, вместо того чтобы пробиваться в Италию. В 1083 г. Генрих снова энергично осадил Рим, и в начале июня его войска вторглись в город. Папа, назначенный Генрихом, был провозглашен под именем *Климента III* в церкви святого Петра, между тем как Григорий, находящийся в замке святого Ангела, снова объявил Генриха отлученным от церкви.

Почему Генрих не одержал победы, остается невыясненным, но он вступил в

Бронзовая надгробная доска Рудольфа Швабского в Мерзебургском соборе.

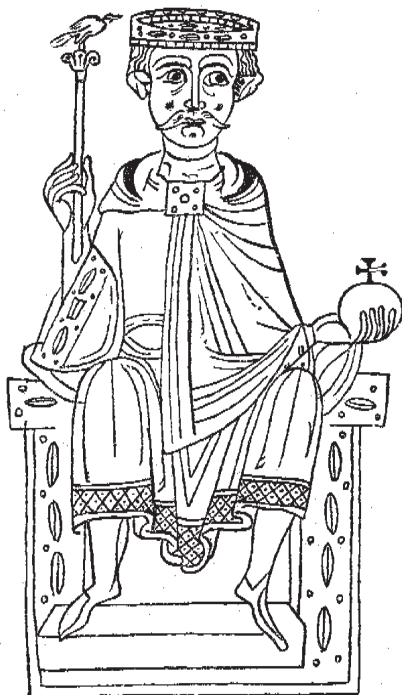
Надпись (по-латыни): «Король Рудольф, павший за права отчизны, истинно достойный сожаления, покоится здесь в могиле. Короля, подобного ему — и в совете, и в деле, — правь он в мирное время, не бывало бы со времен Карла. Там, где дело его одерживало верх, там, как священная жертва — смерти ему жизнью была — он пал, защищая церковь».

переговоры с римским дворянством и с греческим императором, желавшим покорить их общего врага — норманнов. Во время этого смутного положения Григорий созвал собор в Латеране с целью решить спор и обещал подчиниться решению этого синклита. Появилась обманчивая надежда на примирение: при открытии собора, на который явились очень немногие, папу осадили просьбами о примирении. Но он не мог преодолеть себя или же продолжал думать, что защищает дело Господне. Римским гражданам было уже в тягость приносить жертвы. Генрих завладел Латераном, и хотя Григорий держался в замке святого Ангела, и некоторые его сторонники из дворян тоже укрепились в своих городских замках и крепостях, король мог устроить посвящение Климента III в папы. После этого новый папа увенчал императорской короной Генриха и его супругу в марте 1084 г. Григорий проявил большую твердость и остался в осажденном замке святого Ангела. Он надеялся на норманнского герцога Роберта Гискара, действительно прибывшего наконец с войском, когда король с папой Климентом покинули город. Норманнское войско было многочисленно, хотя и состояло из порядочного сброда, между которым было немало сицилийских сарацин. Они завладели городом без особого сопротивления и освободили папу. Но необузданный норманнский герцог пришел в бешенство, узнав об убийстве одного из его вассалов, и в наказание за эту обиду предоставил город на разграбление своим шайкам. По всем известиям, он разбойничал здесь так, как никогда еще не приходилось терпеть Риму ни от какого народа. Эти насилия навсегда порвали связь между римским населением и папой Григорием, который вынужден был видеть эти ужасы и в сущности был ответствен за них. Он не мог оставаться больше одиноким, в Риме ему не было места, иначе как в лагере норманнов, имевших, очевидно, совершенно иные заботы, нежели интересы святого Петра. Григорий покинул Рим вместе с союзниками. Он кончил свою карьеру, по язвительному выражению одного историка, среди римских развалин.

Величие Григория рушилось. Хотя, прибыв в Салерно, он принялся за новые замыслы и рассылал по свету своих легатов, вскоре ему пришлось оставить надежду вернуться в Латеран, потому что его союзник Роберт Гискар, выступивший в поход против византийского императора, у которого он думал даже отвоевать Константинополь, терпел неудачи. Конец Григория VII был уже близок... Он умер в Салерно в мае 1085 г. По его последним словам: «Я любил справедливость, ненавидел неправду, потому и умираю в изгнании», — можно заключить, что он до последней минуты оставался верен своему мировоззрению. Действительно, у таких людей, особенно среди духовенства, которые более других привержены букве закона, не бывает раскаяния, плода искреннего и беспристрастного самообличения. Григорий не мог испытывать никакого раскаяния, поскольку низменные побуждения, низменное честолюбие, низменное себялюбие, низменная ненависть или зависть были ему совершенно чужды. Далекое от первоначального учения Христа обоготворение земной церкви, которая приравняла к божеству бедного, хоть и пламенного, но слабого рыбака Генисаретского озера — это обоготворение не было создано самим Григорием. Но он принял его как верование своего века

**Конец
власти
Григория.
1085 г.**

и как составную часть уже издавна возникшего мировоззрения. Можно сказать, что трудно уяснимый для нынешнего сознания, но искреннейший идеализм укоренил в нем глубокое убеждение, что любая светская власть должна подчиняться духовной, божественной, церковной, папской власти. По мысли тех, кто идеализирует реальную, и в этой реальности весьма очеловеченную, церковь, духовное начало выше мирского, божественное — выше земного, и

Генрих IV на троне, со скипетром и державой.

Миниатюра из хроники 1113 г., написанной Эккехардом из Аураха. Кембридж.

нанес неисчислимый вред обществу, оставив мало следов того действительно благотворного влияния, которое заключается в умеренных притязаниях духовной власти, не доводимой, подобно папской, до крайности.

Последние годы Генриха.

Борьба продолжалась, потому что партия Григория пережила своего вождя, но уже утратила интерес. Подробности этой борьбы с ее переменным счастьем так повторяются, что ее дальнейшая история до смерти Генриха IV может быть передана в нескольких словах. В 1084 г. Генрих вернулся в Германию как император и оставался в ней до 1090 г. Продолжавшаяся война по-прежнему производила опустошения. Разбойничьи замки множились; расширились

поэтому низшее должно подчиняться высшему, а не наоборот. Нельзя не признать известного величия в подобном воззрении, но дело в том, что оно применялось на деле слишком буквально. Всемирно-исторический обман, смешавший понятия церковного с божественным, папского с церковным и папского с божественным, — обман, признанный в наши дни таковым, был для Григория истиной, в которую он верил. И благодаря его могучей личности этот обман, или мираж религиозной иллюзии приобрел особую силу. Но, разумеется, не ту, о которой мечтали Григорий и следовавшие за ним идеалисты, надеясь с помощью этой силы исправить людей и по-христиански устроить мир. Случилось скорее обратное — «обмирщилась» церковь; от столетия к столетию она все менее и менее походила на церковь, более и более преображаясь в государство, прикрывавшее свой светский характер торжественной обрядностью и самообманами. В идеализме Григория есть нечто высокое, но вместе с тем и ужасающее в своей беспощадности: «Проклят воздерживающий свою руку от крови!» И с этой прямолинейностью, незаметной лишь тому, кто наивно может приписать человеку непогрешимость, он

и монастырские здания, не вмещавшие всех желавших бежать от ужасов, творимых в миру. Народ, — та его часть, которая не жила войной, — жаждал мира, и идея «мира Господня», пустившая глубокие корни, оказала свое влияние: верная королю льежская епархия с ее епископом Генрихом и всем клиром положила начало тому в 1081 г. В 1083 г. к этому движению примкнула более значительная кёльнская епархия. Несмотря на эти усилия, мир в государстве не наступал. В 1086 г. король Генрих проиграл сражение при *Плейхфельде*, в окрестностях Вюрцбурга, выступив против своего соперника Германа, дело которого, впрочем, тоже не двигалось вперед, и он окончил свою бесполезную жизнь летом 1088 г. Занявший его место честолюбивый и вероломный маркграф Майсенский Экберт, уже почти упрочив свое положение, в 1090 г. был убит несколькими приверженцами Генриха в Саксонии. В 1090 г. мир в Германии был восстановлен, по крайней мере настолько, что Генрих мог отправиться в Италию, где перевес был на стороне его противников, и они могли, действуя оттуда, поддерживать постоянную смуту в Германии.

После смерти Григория его сторонники пришли в некоторое замешательство, поскольку никто не хотел быть его преемником. Наконец на это решился Дезидерий, аббат Монтекассино. На долю этого *Виктора III*, в течение его короткого первосвященства, выпали самые тяжкие дни: вокруг Рима и в самом городе бушевала борьба между его приверженцами и сторонниками Климента. Не только местность, прилегающая к собору святого Петра, но и церковь были местом побоища. После смерти Виктора в 1088 г. грегорианская партия избрала в Террачине епископа Остийского Оддона под именем *Урбана II*, француза, человека столь же строгих правил, как и Григорий, но более уступчивого и благоразумного. Он был признан в Испании, Франции, Англии, большей части Италии, но не мог утвердиться в Риме, пока не была сломлена власть императора. Он скрепил союз немецких и итальянских противников Генриха, женив молодого Вельфа, 17-летнего сына немецкого соперника Генриха, на 40-летней маркграфине Матильде, приносившей в своем усердии к делу святого Петра новую жертву вступлением во вторичный, фиктивный брак. С 1090 по 1092 г. император оставался в Италии, воюя с переменным успехом. В 1092 г. злейший враг, маркграфиня Матильда, едва не попала в его руки в Каноссе. Но опасные осложнения в Германии вызвали его обратно; несчастье преследовало его и здесь. Он вступил в 1088 г. во второй брак с вдовой маркграфа Нордмаркского, принцессой русского происхождения *Евпраксией* или *Параскевой*, принявшей в Германии имя Адельхейды. Этот брак принес ему горе: Адельхейда сумела склонить *Конрада*, его 19-летнего сына от первого брака, изменить отцу.

Поводы к этой измене, обнаружившейся в 1093 г., не вполне ясны. Молодой человек был красив, ловок, образован, «истый католик», если верить одному источнику. Можно предположить, что побуждением к разладу послужили церковные взгляды и различие убеждений, которое усугублялось с обеих сторон мирскими расчетами, непрерывно возникавшими и усиливавшими его. Разрыв был подготовлен в Италии, причем папа Урбан и маркграфиня сделали *Конрада* главой и знаменосцем папской партии. Снова были пущены в

Война в
Германии.
Урбан II.

Измена
Конрада.

Начало
кресто-
вых по-
ходов.
Мирное
время.

Конрад, сын Генриха IV.

По миниатюре из рукописи 1114 г.
«Жизнеописание Матильды». Рим.
Ватиканская библиотека.

ход все средства, которые употреблялись ранее для борьбы с императором, и с не меньшим успехом, чем прежде. Его супруга готовила гибель ненавистному мужу, бесстыдно выставляя свои пороки всему свету. Великая маркграфиня, которую биограф величает «Деборой», сблизилась с этой женщиной, и тяжело даже передавать все подвиги благочестивой ненависти и партийной ярости, совершенные ими. В Италии сторонники Урбана и маркграфини получили перевес, между тем как Германия уже утомилась от борьбы, и движение в пользу «мира Божьего» там непрерывно усиливалось. Во главе его стоял сам император. Новый подъем духа направлял церковные силы в иную, живую сторону. Это была мысль, взлелеянная еще Григорием, — мысль об *освобождении Гроба Господня* и других святынь из рук неверных. И вот эта мечта осуществилась на практике: папа Урбан стал человеком, способным обратить указанное движение на пользу увеличения церковного могущества. В 1095 г. он созвал большой собор в *Клермоне*; блеск и воодушевление этого съезда нашли отклик в Италии. Со времени разгрома норманнами в 1084 г. Рим был слишком ненадежным местом для папы, державшегося воззрений Григория VII, и лишь в конце 1096 г. Урбан мог водвориться в нем на долгое и спокойное жительство, между тем как Генрих, власть которого в Италии значительно ослабла в последние годы, покинул Италию и вернулся в Германию, заключив мир с Вельфским домом, алчность которого обманула графиню Матильду.

Наступило сравнительно мирное время. Начало *крестовых походов* придало общественному настроению новый характер, и Генрих постарался воспользоваться этим для умиротворения страны, что удалось ему в основной части Германии — Баварии, Швабии и Саксонии. Можно было надеяться на лучшие времена: лич-

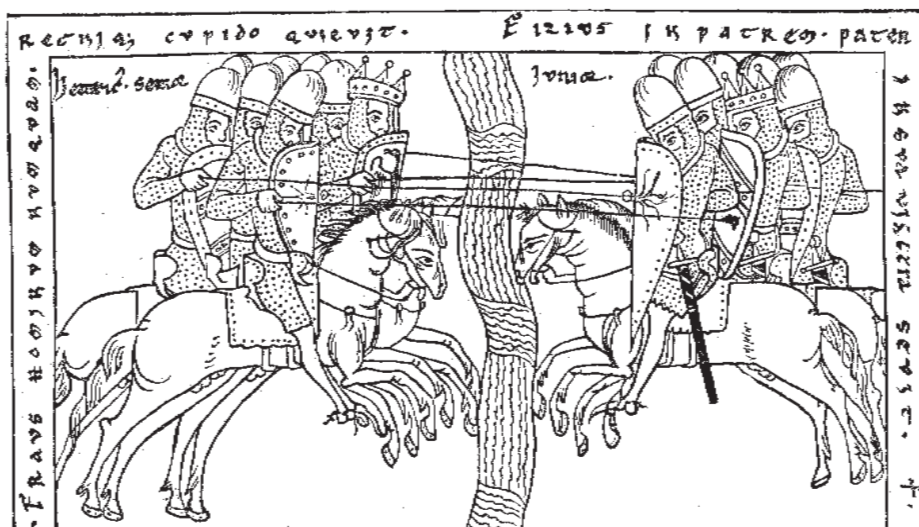
ное влияние Генриха, положение, постепенно достигнутое им государственной мудростью, оказывали уже плодотворное влияние на все. Осталось описать это счастливое время, когда народ снова вздохнул свободнее, а сословие воинственных вассалов, необыкновенно выросшее и возгордившееся при непрестанной борьбе, снова отступило на задний план. Но почва все еще была

ненадежна, и епископы не представляли надежной опоры для императора — не столько потому, что среди немецкого духовенства распространялось грегорианское учение, сколько потому, что епископы боялись восставшего городского населения, составлявшего главный оплот Генриха. В июле 1099 г., через несколько дней после завоевания крестоносцами священного города, скончался Урбан. Но эта смерть не принесла пользы Генриху и антипапе. Кардиналы немедленно избрали Пасхалия II. Климент III, в течение двадцати лет игравший неблагодарную роль имперского папы, умер в 1100 г. Генрих не настаивал на избрании нового антипапы, хотя и пытался это сделать в Риме, однако тщательно заботился о спокойствии в своих землях. В июне 1099 г. его второй сын, 16-летний Генрих, принял от него королевскую корону в Аахене. В 1101 г. умер во Флоренции старший, несчастный король Конрад, слишком поздно понявший свое ничтожное значение и ту роль, которую его заставляли играть для целей, носивших личину благочестия и служения церкви. Генрих IV, рано постаревший, пришел к мысли, навеянной ему новым столетием, начатым крестовыми походами. Воодушевление на пользу походов уже отчасти проникло в германский народ, относившийся к движению сначала только с любопытством и удивлением. В Майнце в 1103 г. Генрих заявил о своем намерении отправиться в Святую землю, передав правление сыну. Но такой мирный конец не должен был выпасть на долю человека, истерзанного муками. Генрих хотел до своего отъезда дело успокоения страны; он издал указ, присягой призывавший к миру в государстве. Этот мир, согласно известиям, держался много лет и принес большую пользу низшим классам, особенно промысловому люду, купцам, поселянам, евреям, вообще народной массе, об интересах которой Генрих постоянно думал. Уважение к императору заметно усиливалось, и повторенное против него Пасхалием II отлучение от церкви не произвело никакого действия, поскольку было лишено обоснованного повода или предлога. Для Генриха эта продолжительная рознь с папством была несчастьем, ореол которого расцвел в последнее время благодаря успехам на Востоке. К тому же продолжительная междоусобица оставила благодатную почву и поводы или предлоги для новых смут. Кроме того, в общественных условиях Германии того времени было немало такого, что не могло способствовать спокойствию в государстве.

В прославленной стране верности возник новый заговор князей, во главе которого они постарались поставить, и не без успеха, недавно коронованного наследника престола *Генриха*. Он был властолюбив и способен к власти. Царствование отца казалось ему слишком продолжительным. Генрих также опасался, что под отцовским управлением королевское могущество еще более ослабнет. Злой, жестокий, лукавый, он принял на себя роль, которую предлагали ему князья-заговорщики, причем мог надеяться на поддержку грегорианцев, задавшись намерением обмануть их. В декабре 1104 г., сопровождая императора в походе против одного мятежного саксонского вассала, нарушившего спокойствие в стране, он тайно покинул отцовский лагерь, скрылся в Баварию, отправил послов к папе и собрал вскоре вокруг себя всех, кого могли вооружить против императора открытая ненависть к нему, жажда пере-

**Новый
заговор
князей.
Король
Генрих.**

мены или папский фанатизм. Весьма кстати при этом было упомянуто, что император находится под гнетом церковного отлучения. Король Генрих унаследовал от отца умение притворяться; особенно искусно он надевал на себя личину крайнего благочестия. Папа не замедлил осенить юношу своим благословением, хотя тот далеко не во всех отношениях поступал согласно церков-

Столкновение, которое чуть было не произошло между Генрихом IV и его сыном, будущим Генрихом V. Миниатюра из Йенской хроники Оттона Фрейзингенского, XII в.

Император Генрих IV — слева: на нем корона, у него щит с орлом и надпись: «Heinric senior». Его сын Генрих в короне — справа: над ними надпись: «junior». Между группами изображена река Реген, препятствующая их сближению. Вокруг изображения — надпись по-латыни: «Кривде человеческой и алчбе власти не бывает конца: сын свирепствует против отца, отец против своего детища».

ным правилам. В 1105 г. сын и отец, король и император выступили со своими армиями друг против друга, а в августе после неудачных переговоров враждебные силы сошлись на битву, разделяемые лишь рекой *Реген*. Сын был настолько умен, что не принял боя, всюду распустив слух, что он хочет только примирить своего отца с папой. Но у него были завязаны отношения с войском, стоявшим по ту сторону реки, и император хорошо знал, как мало можно было доверять немецким князьям. Он сам отказался от замысла и уехал из армии, которая разошлась. Сила короля возрастала. Император, не имея войска, потеряв бодрость, в октябре 1105 г. прибыл в Майнц, но вскоре покинул его. Генрих IV некоторое время пребывал в нерешительности, но все же согласился на свидание с сыном в Кобленце. Молодой Генрих разыграл здесь свою роль в совершенстве: он клялся в сыновней преданности, в вассальной верности, требуя от отца только одного — примирения с римским престолом.

Заполучив его таким образом, он повез его не в Майнц, где должен был состояться княжеский съезд и население было расположено к императору, а в соседний замок Бекельхайм. Здесь под гнетом дурного обращения и угроз епископ Шпейерский, приставленный к императору, вынудил у него акт отречения, который 27 декабря привез королю на княжеский съезд в Майнце. Королевские регалии были доставлены в Майнц, и архиепископ поднес их королю, которому князья повторили свою присягу на верность. После того как римский легат еще раз доказал власть церкви над Генрихом, заставив его сначала исповедоваться, а затем отказав ему в отпущении грехов, император смог уехать в Ингельхайм. Дело казалось оконченным, но он покинул этот город, имея основания опасаться за свою жизнь. Во всех городах, где последние события вызвали сильное негодование, его встречали с большим сочувствием. Это еще раз пробудило в нем монаршую твердость: остановясь в Льеже, преданном идее «мира Господня», и приветливо принятый горожанами, Генрих объявил недействительным свое отречение, исторгнутое у него частью хитростью, частью угрозами. Оружие было вновь поднято. Сильной базой для императора стал Кёльн, и король тщетно осаждал этот город в следующем году. Первая половина 1106 г. прошла в приготовлениях к новой борьбе и в переговорах. С обеих сторон посылались письма и послы, однако император скончался в Льеже 7 августа после болезни.

Он примирился с Богом, причастился святых тайн и отправил к сыну, которого прощал, просьбу: не мстить за верность тем, кто помогал ему, императору, в его последних бедствиях. Такое примирительное настроение не нашло отголоска в представителях той среды, которая именovala себя вселенской или католической церковью, церковью святого Петра или иными титулами. Несколько веков назад при так называемом «Трехглавом споре» в духовных сферах поднимался серьезный вопрос о неприменимости анафем к покойникам. Но с тех пор римская церковь шагнула вперед в отношении духовной злобы, и потому тело Генриха IV, вынутое из могилы по распоряжению епископа, 5 лет оставалось без погребения в неосвященной часовне и было похоронено в Шпейерском соборе, как того желал покойный, лишь в 1111 г. Суждения о Генрихе IV устанавливались медленно, поскольку партийный раздор, среди которого протекла вся его жизнь, продолжался и в последующее время, мало изменяясь. Ошибки Генриха и смягчающие их обстоятельства теперь очевидны. Лишенный отца еще в детстве, он рос под опекой слабой и ограниченной матери и еще отроком был вовлечен в водоворот борьбы партий. Около него не было никого, кто мог бы в годы его возмужания внушить ему уважение чистой доблестью и превосходством ума. Неудивительно, что его одолели все страсти и пороки своевольной юности и в нем разгорелся пыл своевластия. Этого нельзя не признать, даже допуская искажение отдельных фактов и ложность партийных клевет, во все времена служивших римскому духовенству беспощадным орудием против врагов. Но по мере развития своего характера, во всяком случае очень рано, Генрих обнаружил недюжинные способности, о чем свидетельствуют даже его противники, главным из которых был папа Григорий. Они не злобствовались бы так против него, если бы

Последствия смерти Генриха IV.

меньше его опасались. Наводимый им страх прекратился лишь с его смертью. Но как бы ни были велики его заблуждения, никто не заплатил за свои грехи столь дорогой ценой, как этот злополучный и замечательный человек, вся жизнь которого протекла в борьбе с силами, грознее которых ничего нельзя вообразить. В союзе против него соединились и высшие, и низшие побуждения, самые возвышенные и самые грубые. С одной стороны, возвышеннейший из человеческих замыслов, осуществление царствия Господня на земле, причем представителем этой идеи был человек столь высоко парящего ума, как Григорий; с другой — гнусное самолюбие в его омерзительнейших проявлениях. Обе стороны соединились в борьбе против него. Однако борьба Генриха не была напрасной. Он стоял за королевские права и за права государства, т. е. за право в общем смысле. И если этому борцу пришлось окончить несчастливо, все же он, по крайней мере, ослабил победу партии святого Петра на немецкой земле и избавил эту землю от ига духовного абсолютизма. Его сын и преемник Генрих V унаследовал от отца эту идею, не позаимствовав у него ничего, присущего ему, как человеку: ни его человеческих добродетелей, ни человеческих заблуждений.

Прежде чем обозреть его царствование, необходимо бросить взгляд на другие европейские государства, на их развитие и на поразительное движение крестовых походов, в котором впервые ясно обозначились общность и единство европейской жизни.

*Булла папы Пасхалия II
(1099–1118).*

*РЕВЕРС: изображения
св. Петра и св. Павла.*